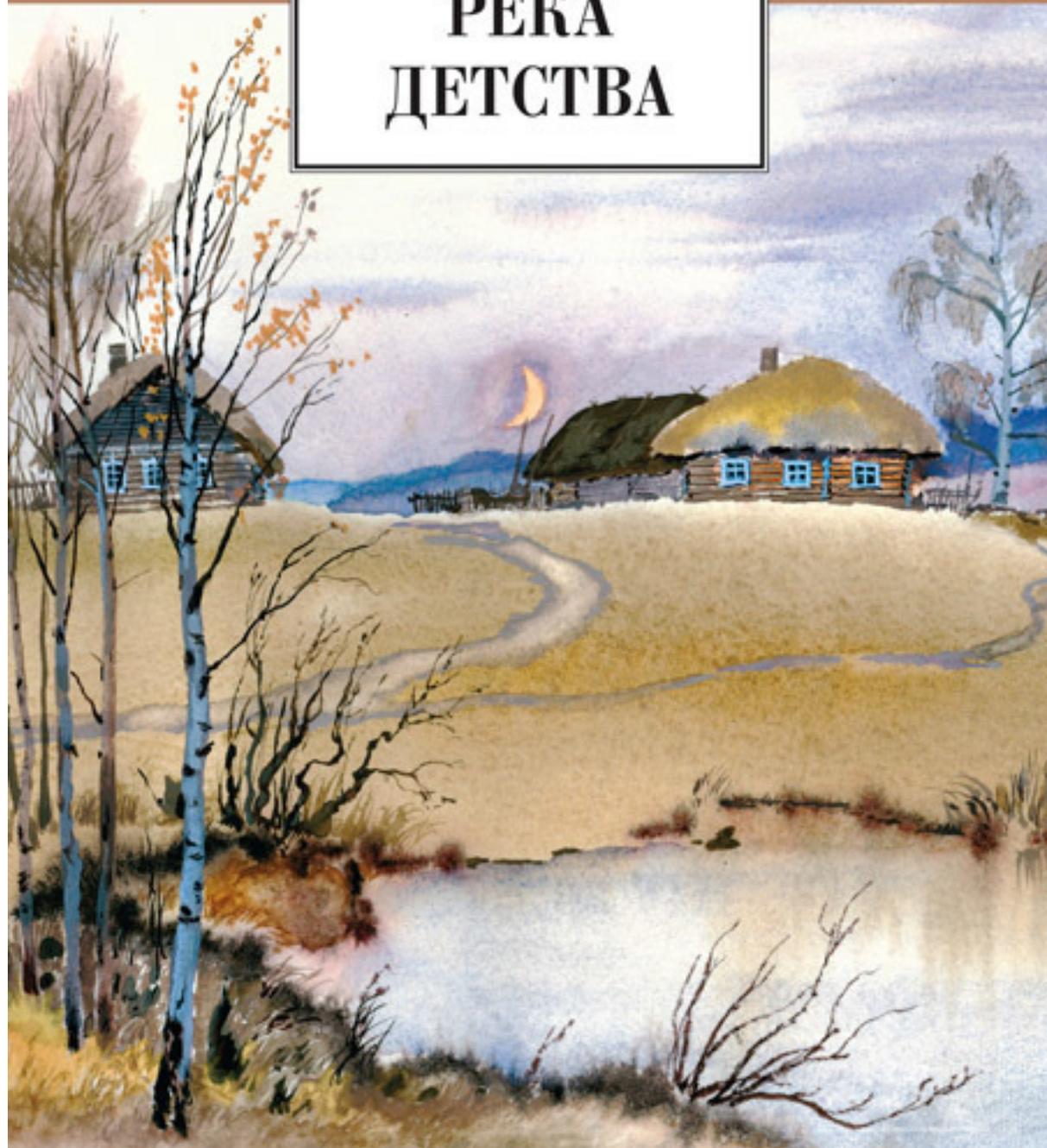

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Вадим Чернышёв

РЕКА
ДЕТСТВА

Школьная библиотека (Детская литература)

Вадим Чернышев
Река детства (сборник)

Издательство «Детская литература»

1977

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чернышев В.

Река детства (сборник) / В. Чернышев — Издательство «Детская литература», 1977 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005246-0

Сборник произведений Вадима Чернышёва посвящен тому, что сам писатель хорошо знает и любит, – природе, охоте, животным. Рассказчик щедро делится с читателем всем, что ему близко и дорого. Это и яркие впечатления деревенского детства, и путешествие по издавна любимой речке Битюг, и охота в Заонежье. Немалая часть книги посвящена собакам и выражает трогательную признательность этому животному-другу, бескорыстная привязанность которого делает нас добрее и человечнее. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005246-0

© Чернышев В., 1977
© Издательство «Детская литература», 1977

Содержание

Живые страницы	7
Тайны села Никольского	9
Мы переезжаем на село	10
Поющие ужи	12
Сосун	14
Громышка	16
Шальное пианино	18
История с чердаком	20
Соловьиное гнездышко	23
Муравьиное масло	26
На бобровой реке	28
Река детства	29
Давняя мечта	30
Свет не без добрых людей	31
Жизнь хороша и удивительна!	32
Берег левый, берег правый	34
Водяной пастушок	36
Рыбаки и рыбки	37
Зимородки	38
Кабаны и черепахи	40
Бобры	41
Фигура браконьера	42
Молочные реки, сырные берега	44
Старый друг	46
Осы, шершни и шурки	48
Богатырские кони	50
До свидания, бобровая река!	51
Дианова гора	53
Дом	54
Диан и Ксантиппа	55
Тропинки	56
Озорник	57
Химик	59
Ночной переполох	62
Вышка в лесу	63
Куница	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Чернышев

Вадим Чернышёв
Река детства

Предисловие
Е. СОКОЛОВОЙ

Рисунки на переплете
Е. МЕШКОВА

Живые страницы

Есть книги, особенно влияющие на жизнь человека. Еще в детстве мы знакомимся с первыми из них. Наверное, каждый вспомнит свой любимый сборник сказок, букварь... А для меня это еще и большая красивая книга с загадочным названием «Живые страницы» – сборник произведений русских классиков о природе. Помнится, именно эти два слова, выведенные крупными буквами на цветной обложке, привлекали меня больше всего. И именно они пришли на ум, когда у меня в руках оказалась тяжелая стопка печатных листов, с редко брошенными пометками, бусинками мелкого почерка, – рукопись рассказов Вадима Чернышёва.

Не помню, какую еще книгу я так читала – неспешно, стараясь прочувствовать каждое слово. А между тем число перевернутых страниц до удивления стремительно росло. Казалось, что эту книгу я не читаю, а слушаю – как неведомую историю, рассказанную тихим и добрым голосом. Еще поймала себя на том, что, глубже погружаясь в эти «живые» страницы, отвлекалась ото всех посторонних мыслей, не проскальзывала по строкам, а невольно задерживалась на некоторых из них. И при этом – улыбалась. А как же иначе – так бережно и зримо перенесено на бумагу деревенское утро! Зачитаешься – и вдруг начинаешь улавливать запах нагретой травы и теплого молока. И шум городской как-то постепенно стихает, а вместо этого – будто лай собаки да соловьиные трели. Читаешь и не можешь оторваться...

Подобное ощущение приходило ко мне и прежде, при трепетном вхождении в мир классической русской литературы, соприкосновении с прозой И. Тургенева, С. Аксакова, И. Бунина... Безусловно, и здесь журчит этот же родник чистого русского слова, причем преимущество эта особенно очевидна и в духовной близости В. Чернышёва к творчеству И. Соколова-Микитова, моего прадеда, ставшего для автора книги ближайшим другом и наставником.

У них действительно много общего. Язык простой и бесхитростный, родной и непривычный в то же время. Я, выросшая в городе, впервые вникала в слова доселе незнакомые, в описание деревенского быта, невиданных или просто безымянных для меня растений... С какой поразительной чуткостью автор смотрит на мир, замечая, конечно, куда больше нашего. Как радушный хозяин, водит читателя по лугам, вдоль берегов реки, указывает на

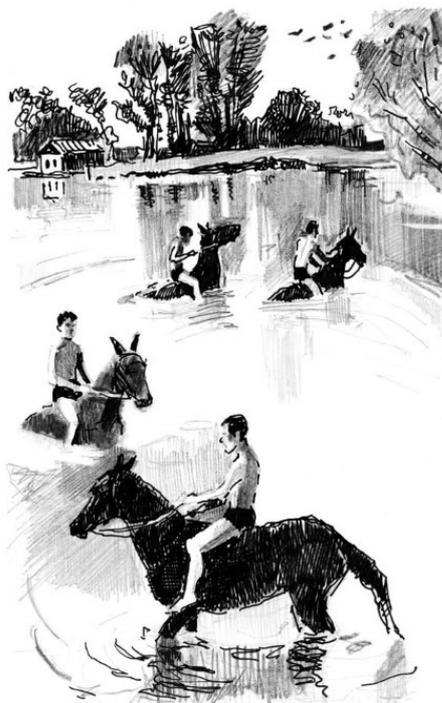
скрытое от невнимательных глаз и будто рассказывает шепотом, чтоб не вспугнуть. Так хочется теперь, выйдя из города, увидеть все это воочию, убедиться, что после таких «уроков» я и сама разгляжу гораздо больше.

Это книга особенная. Не представляю, кого она не тронет, оставит равнодушным. Возможно ли это? Думаю, нет. Ведь так много в этих строках искренней любви! Так много, что хватит на каждого. Это именно живая книга. А потому не будем спешить. Есть что-то теплое в этих страницах – даже руки греет. Добром веет от них.

Елена Соколова

Тайны села Никольского

Мы переезжаем на село

– Ну-с, кавалер, с чем пожаловал?

Доктор Белов в белом халате и такой же шапочке сидел на белом стуле и легонько барабанил пальцами по белому столу. В его кабинете все было белым, пугающе-холодным и блестящим: стены и потолок, дверь, в которую мы с мамой вошли, шторы и ширма, отгораживающая кушетку, сверкающие никелем инструменты в белом поддоне, круглое зеркальце с дыркой посередине, закрепленное на лбу доктора. Только волосы на пальцах, барабанивших по столу, всклокоченные брови и усы были рыжими.

За меня ответила мама:

– Кашель, гланды, частые ангины и простуды, бронхиты...

Доктор оценивающе оглядел меня, словно прикидывал, где во мне может поместиться все то, что наговорила мама.

– Что ж, посмотрим.

Был день, но доктор включил лампу. Мои глаза полоснул яркий зайчик от зеркала на его голове. Доктор придавил мой высунутый язык плоской холодной ложкой.

– Скажи: «аааа»!

Я заорал что-то среднее между «а», «о» и «ы».

– Горластый, однако, – отметил доктор.

Он снова внимательно оглядел меня, соображая, должно быть, откуда во мне, при всех моих болячках, такая горластость, и помял холодными пальцами горло.

– М-да, миндалины увеличены. Надо попить кальций (ох уж этот солено-кислый кальций!), рыбий жир (сколько можно пичкать меня этой гадостью, пузырьки с которой я прячу так, чтобы их не нашла мама!), а пока сделаем продувание.

Он вставил мне в нос резиновую трубку.

– Что тебе больше нравится сказать: пароход или паровоз?

– Самолет! – прогундосил я с трубкой в носу.

– Подойдет, – согласился доктор. – Ну, говори!

Я сказал. В это самое время доктор фукнул большой резиновой грушей, в мою голову ворвался вихрь, ударил в уши и нос, голова загудела, я поперхнулся и закашлялся, на глазах выступили слезы.

– Эх-хе... – вздохнул доктор, причмокнув губами. – Городское дитя...

Он протянул маме выписанный рецепт.

– А вообще, я вот что скажу, мамаша. Лучше всего, что я выписал, просто деревня. Чистый воздух, парное молоко, свежая зелень...

По дороге домой мама молчала. Вероятно, сосредоточилась на своих мыслях. Я даже знал на каких. Дело в том, что разговор о переезде в деревню у нас в семье шел давно. Его заводил папа, не любивший город и к тому же не ладивший с городским начальством. В качестве самого основательного довода он приводил странную поговорку, дошедшую, наверное, из глубины древнеримских времен: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

Но маму, похоже, вполне устраивали вторые роли, даже не в Риме. В городе ей легче управляться с хозяйством, которое охватывало меня, папу, уборку квартиры и приготовление пищи. В деревне к этому добавлялось многое другое – такое, чего мама полностью не представляла. И вдруг эта рекомендация доктора Белова!

Вечером у родителей состоялся совет, на котором хорошенько взвешивались все «за» и «против». Мои миндалины и предрасположенность к ангине оказались весомее. Было принято решение перебраться в деревню. Ее место и название было уже определено: папу, ветеринарного врача, давно звали работать на конном заводе в селе Никольском.

Мы переехали туда в разгар весны. Орала на ветлах грачи, лед на пруду посинел и напитался водой, у берегов появились полои¹.

Для жилья нам отвели небольшой кирпичный особняк на краю обширного парка, за которым лежал пруд. В особняке, как нам сказали, до революции находилась людская и кухня господского дома. Богатый помещик-коннозаводчик Молоствов – были, оказывается, и такие, имевшие целый конный завод! – не любил, вероятно, кухонных запахов, и кухню построили в стороне. Сам господский дом зачем-то разрушили, от него осталась лишь громадная куча битого кирпича.

Затащенные в дом, расставленные вещи и тепло протопленных печей заглушили гулкое стылое эхо, разносившееся в пустом особняке, и мы зажили на новом месте.

С нашим житьем в бывшей барской кухне связано несколько загадочных историй, о которых, пожалуй, стоит рассказать.

¹ Полои – вода, появившаяся между берегом и подтаявшим льдом водоема.

Поющие ужи

Пришло тепло – весна брала свое. Снег сошел, обнажилась выложенная кирпичом дорожка, густо заросшая с боков сиренью и жасмином, ведущая от нас к развалинам помещичьего дома, по которой когда-то бегали поварята, доставлявшие к столу приготовленные с пылу с жару кушанья. На пруду остался лишь островок обтаявшего льда, его током воды поднесло к водосливу мельничной плотины. Показалась молодая нежная травка, раскрылись одуванчики, на березе возле своего домика заливался, прихлопывая крылышками, черный блестящий, отливающий зеленым скворец. Знакомясь с окрестностями, я все дальше забирался в глубь парка.

Однажды, когда я на ходу постругивал палочку, вдруг увидел перед собой в траве черное, глянцевоe на солнце, извивающееся тело. Змея! Я чуть не наступил на нее! На какое-то мгновение страх сковал меня. А потом я бросился бежать и с ужасом почувствовал, что ноги не слушаются. Они стали тяжелыми, будто на них навесили пудовые гири, я с усилием отдираю их от земли, тащил за собой, мне казалось, что я никак не могу убежать от страшного места, что змея, как я это слышал от кого-то, может покатиться за мной колесом и вцепиться... Никогда не испытывал я такого страха! Мне приходилось видеть змей лишь на картинках да в бродячем зверинце. Там был толстый пятнистый ленивый питон, лежавший маслянистыми кольцами в прозрачном ящике. Он был за стеклом, совершенно не страшен, а тут...

– Может, это был уж? – спросила мама, когда я примчался домой. – Откуда бы здесь взяться гадуке? Было ли у него на голове желтое, вроде шапочки-наушницы?

Но где уж мне было отыскивать в траве, разглядывать змеиную голову?!

Мама оказалась права. Это был, конечно, уж. Выяснилось, что великое множество ужей жило в развалинах господского дома. Они грелись на битых кирпичах, переползали через них, утягивались в пустоты руин. Развалины находились неподалеку от нашего дома, не далее как в сотне метров. Я вскоре привык к соседству ужей и не боялся их. Вместе с мальчишками я даже поймал одного. Мы пустили его в пруд и смотрели, как ловко он поплыл, извиваясь, выставив торчком желтоухую головку.

Как-то под вечер мы пошли в нашу баню. Мама вымыла меня, помогла одеться, посадила в предбаннике отпыхнуть и вместе с тетей Таней, пожилой женщиной, приходившей из села помогать ей по хозяйству, отправилась мыться сама.

Я сидел, слегка одуревший после жаркой бани, и смотрел через приоткрытую дверь на улицу. В парке было сумеречно, еще более густые потемки стояли в предбаннике. За толстой плотной дверью бани тихонько погромыхивали шайками, плескалась вода. Вдруг я услышал свист. Негромкий и короткий нежный свист. Казалось, он исходил откуда-то снизу, из-под пола. Я прислушался. Спустя время свист повторился. Теперь уж точно он доносился из-под бани. Через несколько минут – снова. Что такое, кто там насвистывает?

Женщины оделись и вышли в предбанник.

– Это ужаки, – сказала тетя Таня как о самом обычном. – Они всегда тут под баней жили. Здесь им тепло и сыро, самое то, что надо, вот они и поют.

Я не раз и потом заходил вечерами в предбанник нетопленной, пахнувшей остывшим дымком бани и, затаившись, слушал. Случалось, что все оттуда же, из-под пола, доносился знакомый тихий свист. Что же все-таки это было?

Больше нигде и никогда я ничего подобного не слышал. Ставши взрослым, я пытался найти подтверждение тетя-Таниных слов в книгах, однако ни в одной из них о пении ужей не было ни слова.

Но ведь я слышал, отчетливо слышал этот свист! И так запомнил, что и теперь могу воспроизвести этот звук.

Сосун

Сразу же после приезда мы купили корову: надо же было выполнять предписание доктора Белова относительно парного молока. Да и вообще, разве житье в деревне без коровы?

Папа сходил, осмотрел ее, не больна ли она, и остался доволен: корова была бодра и здорова. Хозяева сказали, что она еще молода, вторым телком, что и подтверждалось кольцами на ее рогах.

Корову привела тетя Таня, появившаяся у нас несколько раньше. Мы встретили их хлебом-солью. Шумно сопя, корова потянулась к посоленному ломтю и слизнула его длинным шершавым языком. После этого тетя Таня отвела ее в хлев, начертила мелом на притолоке двери крест и что-то пошептала на пороге, чтобы корова прижилась и не вздумала убежать к старым хозяевам. Но, похоже, корова и не помышляла об этом. Новоселье пришлось ей по душе. Она сразу сунулась в ясли и принялась хрумкать сеном. Поскольку это произошло в последний день марта, корове дали не самое оригинальное, но вполне оправданное имя – Марта.

У нас в доме появились молоко, сметана, творог, масло, простокваша. Все это давала толстобокая, белая в черных пятнах – или черная в белых? – с добрыми лиловатыми глазами и слюнявым клеенчатым носом, наша кормилица Марта. Теплое парное молоко с шипением оседало в доенке, пахнущая хорошо высушенными травами пена сохла на губах – могло ли с таким молоком сравниться магазинное, которое мама раньше покупала на литры в городе!

Когда в лугах зазеленела трава, Марту стали выпускать в стадо. Она возвращалась под вечер, покачивая круглыми боками, с полным выменем, едва умещавшимся между ног. Тетя Таня брала доенку, немножко воды, вазелин и шла доить. Из хлева доносились звонкие удары тугих струй молока, бивших в белую жесть ведра.

Но вот с коровой стали происходить какие-то странные вещи. Она не хотела отдавать молоко, переступала, задевая копытами подойник, хлестала тетю Таню хвостом.

– Это сглазу, – определила тетя Таня.

Марту осмотрел папа, но никаких признаков какой-либо болезни не нашел. А она продолжала упираться и задерживать распивавшее вымя молоко. Однако спустя час-другой вымя заметно пустело, корова успокаивалась и позволяла выдоить оставшееся молоко. В чем дело, куда оно исчезало?

Тетя Таня привела из села старушку знахарку. Старушка принесла заговоренной воды и уголек. Она с уголька сбрызнула водой Марту, походила вокруг нее, что-то шепча. Меня тетя Таня выставила во двор. После снятия сглаза старушка ушла, пообещав, что все наладится. Но и на следующий день, и в другие дни Марта вела себя все так же, не отдавала удои.

К нам приехал погостить на новом месте дед. Ему в Никольском очень понравилось. Мы вместе гуляли по парку, ходили на пруд, заглядывали на мельницу, где шумели жернова, стоял мучной туман, а на мохнатых от мучной пыли балках гурчали сотни голубей.

Узнав о загадочном поведении коровы, дед решил понаблюдать за ней, когда она вернется из стада. Я навязался тоже подежурить в засаде.

– Только тихо! – предупредил дед. – Иначе вся наша затея насмарку!

Перед возвращением Марты мы забрались на потолок хлева, на сеновал, сгребли остатки сена и раздвинули потолочные доски.

Вернулась Марта, вошла с подойником тетя Таня. Мы наблюдали сверху. Коровы опять принялась отхлестываться хвостом, топталась, постукивая копытами по полу. Тетя Таня ушла ни с чем. А Марта все беспокоилась, помыкивала, будто у нее отняли теленка. Когда сгустились сумерки, из-под досок щелястого пола выполз уж. Затаив дыхание, мы ждали, что будет дальше. Уж обвил ногу, поднялся к вымени и припал к сосцу. Коровы успокоилась,

поглядывала назад. А уж наливался молоком и толстел. Он раздулся, как пожарная кишка, в которую под напором дали воду. Тут дед спрыгнул вниз – испуганный уж отвалился, шмякнулся на пол, но, раздутый, быстро удрать не мог. Дед ударил его вилами – на стены хлева брызнуло молоко. Уж был добит на улице и повешен на жердь левады². Из него еще покапывало смешанное с кровью молоко.

Все, кто был дома, высыпали на улицу.

– Я-то думала, кто сглазил, – подперев кулачком подбородок, покачивала головой тетя Таня. – А это, оказывается, сосун... Я слышала, говорили люди, что бывает такое, но ни разу не видывала... Надо же...

«Сглаз» у Марты прошел, больше она не капризничала и, как всегда, отдавала молоко.

Много лет спустя мне в книжках попадались упоминания о подобных случаях, но авторы всегда ставили их под сомнение и считали это досужим вымыслом. По-видимому, один из таких «вымышленных» ужей и повадился навещать нашу Марту.

² Левада – огороженный участок перед хлевом для выгула скота.

Громышка

Если в жилом деревенском доме нет кошки, он становится домом для мышей. Появились они и у нас в кладовке. И тетя Таня принесла взятого у кого-то на селе котенка – совсем еще маленького, в голубовато-серой взъерошенной шерстке, с голубенькими младенчески наивными глазками и розовым носиком.

– Надоть было, как приехали, прежде всего пустить в дом кошку, – упрекнула нас тетя Таня. – Потому как она в доме хозяйка. А во двор – петуха, он должен там генеральствовать.

Но где нам, горожанам, было сразу взять на новоселье петуха и кошку?

– Ну и ну, гроза мышей! – усмехнулся пришедший с работы папа, когда котенок, топыря плохо слушающиеся лапки, боком ткнулся в его ногу и стал перебираться через башмак.

– Так и назовем! – подхватила мама. – «Гроза мышей»! Сокращенно – «Громышка»!

Громышка исправно пила парное Мартино молоко и быстро прибавляла в росте. Скоро она стала пушистой, ловкой, игривой кошечкой с быстрыми проказливыми глазами. Она без устали гоняла по полу пустые катушки от ниток и охотилась за всем, что двигалось: за ногами людей, за веником и половой тряпкой, за бившимися об оконное стекло мухами...

Подрастающая Громышка шлодила и вредила куда больше, чем мыши, – на ее счету уже были две разбитые тарелки и горшок с молоком, в узком горле которого отстаивались сливки. Больше всего она любила творог. Не дожидаясь, когда ее угостят, она прыгала на подвешенный марлевый мешочек, в котором отцеживался от сыворотки, стекал творог, разрывала его и либо выпускала содержимое на пол, либо ела прямо там, повиснув на мешке.

Наконец она поймала свою первую мышь. Хвастаясь добычей, Громышка показывала ее всем по очереди, отпускала и снова ловила, играла с нею. Видеть такое было не очень приятно, но ведь и ругать за это было нельзя. И мама выставила ее вместе с мышью за дверь.

Шаловливая, ловкая и подвижная, Громышка вскоре извела в доме всех мышей. И в сенях, и в чулане теперь никто продукты не портил. Тогда Громышка принялась охотиться в прилегающей к дому округе, ее добычей стали лесные мыши и полевки. А однажды она принесла красивую птичку с оранжево-огненными перышками в хвосте – горихвостку. Пару этих доверчивых птичек мы часто видели на дорожках нашего палисадника. Папа надел перчатки, чтобы кошка не оцарапала руки, и задал ей жесткую трепку. И кошка поняла: этих трогать нельзя. Она даже отворачивалась от базаривших в сирени воробьев. Но зато как-то вечером притащила другой трофей. В густых сумерках мы не сразу разглядели, что она волочет с улицы: то ли обрывок веревки, то ли кусок резиновой трубки. Громышка заволокла добычу через порог в кухню, и мы увидели, что это – уж. Задушенный уж. Пришлось снова преподать ей урок: и на таких охотиться тоже нельзя!

Тогда Громышка принесла через несколько дней такое, чего никто из нас ни до этого, ни после никогда не держал в руках, – летучую мышь!

– Боже мой! – разглядев в темноте добычу, воскликнула мама. – Вы только посмотрите, что она притащила! Страшилище какое!

Слава богу, летучая мышь была жива, лишь слегка помята. Так, благодаря кошке, мы познакомимся с этим таинственным сумеречным созданием с кожистыми крыльями, тельцем в рыжеватой шерстке, с цепкими лапками и ушастой приплюснутой мордочкой с блестящими черными глазками. Папа подкинул ее – и мышь, расправив крылья, беззвучно исчезла во тьме.

А Громышку лишь пожурили, наказывать не стали, полагая, что все равно ей вряд ли удастся еще раз заполучить такую добычу. Но как она уловчилась схватить на лету эту мышь? Вероятно, дело обстояло так. Перед домом у нас был разбит цветник, где мы порой засиживались, сумерничая, до темноты. Вечером раскрывались душистые табаки, сильнее пахли резеда и левкой. На запах цветов слеталась мошкара, привлекавшая в свою очередь насекомых летучих мышей. Они беззвучно, как тени, металась в воздухе, ныряли к цветам, будто стригли их своими быстрыми крыльями. Здесь-то, по-видимому, и ухитрилась сцапать низко проносившуюся мышь затаившаяся на клумбе кошка.

Громышка была очень самостоятельна, не боялась собак и подолгу гуляла «сама по себе»: ее можно было встретить в самых отдаленных углах парка. Она, как собачонка, ходила с мамой в сельскую лавку, к папе на работу. Даже зимой, когда мы ходили в гости к знакомым, жившим на хуторе за прудом, она сопровождала нас и дожидалась там на крыльце. Мы шли гуськом через пруд по узкой тропке, лед от мороза гулко лопался, звук широко раскатывался к берегам. Кошка останавливалась, прислушивалась к гулу под ногами, нервно подергивала хвостом и снова бежала за нами. В лунном призрачном свете ее голубовато-дымчатая шерстка становилась почти незаметной, видна была лишь скользившая по снегу тень.

Громышка также оказалась непосредственной участницей двух странных происшествий, случившихся в нашем доме, бывшей барской кухне.

Шальное пианино

Самые большие хлопоты при переезде вызвало наше старое громоздкое пианино. Четверо дюжих грузчиков на веревках через плечо протащили его в гостиную и поставили в простенок. Место выбиралось так, чтобы было не слишком жарко и не холодно, иначе инструмент мог рассохнуться или «простудиться».

На пианино играла мама. Когда мне хотелось послушать музыку, я уговаривал ее поиграть, тащил из кухни. Вытирая о фартук руки, она шла в гостиную, садилась на вертящуюся табуретку, открывала крышку. Больше всего я любил романс Глинки «Жаворонок». Наверное, потому, что совсем рядом можно было услышать настоящих жаворонков, стоило лишь пересечь парк, выйти из его тенистой прохлады в жаркое поле, над которым в зыбком мареве лились нескончаемые трели невидимых птичек. Прижавшись ухом к прохладной лакированной стенке пианино, я слушал, как где-то в его глубине рождалась знакомая мелодия:

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.
Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий...

Чаще всего маме было некогда. Тогда я сам открывал пианино и одним пальцем барабанил «Чижика-пыжика» или «Собачий вальс». Ничего другого я подбирать не умел. Закрывать тяжелую скользкую крышку было куда сложнее: я с трудом доставал до нее. Однажды она сорвалась и прихлопнула мне пальцы. Хорошего в этом, как вы понимаете, было мало. Поэтому пианино частенько оставалось открытым, за что я получал от мамы нахлобучку, потому что слоновая кость клавиш на солнце желтела, клавиатура пылилась.

Но вот с некоторых пор повышенный интерес к пианино стала проявлять Громышка. Как только мама садилась играть, тут же появлялась кошка. У нее было своеобразное отношение к музыке: она ее нюхала. Громышка старательно принюхивалась к щелям у нижней съемной стенки, к отверстиям педалей. Если инструмент оставался открытым, она вспрыгивала на клавиатуру и, поджимая лапки, прохаживалась по клавишам, наигрывая, быть может, какую-то свою «кошачью польку». Кошка сразу выдавала меня, не сумевшего закрыть пианино, и нам обоим влетало: кошку стлкаливали на пол, а я получал очередной нагоняй.

Однажды ночью нас разбудили звуки пианино.

– Ты опять не закрыл крышку? – принялась отчитывать меня мама. – А этой дурехе не спится, музицирует по ночам...

Мама прошаркала шлепанцами в гостиную и в сердцах закрыла крышку.

Спустя несколько ночей пианино заиграло снова.

– Ну сколько раз тебе можно говорить одно и то же?! – рассердилась мама. – Опять ночь изломана, вставать приходится.

– Да, но Громышка спит у меня в ногах, – пробормотал спросонья папа. – Странно...

– Что тут странного? Значит, наигралась и улеглась. Не может же оно играть само!

Прошло какое-то количество дней, а вернее, ночей, и нас опять разбудило пианино.

– Когда же это, в конце концов, кончится?! – возмутилась мама. – Ты что, нарочно, что ли, это делаешь? Безобразия просто!

– Да не играл я! Даже не подходил к нему!

Теперь встал папа.

– Ты знаешь, – вернулся он из гостиной, – какие-то удивительные вещи происходят в нашем доме. Крышка закрыта... Да и кошка спит у меня... А пианино бренчит... Чудеса!

– Как... закрыта? – села на кровати мама. – Что же, оно само по себе, что ли, играет?!

– Не знаю, в чем дело, но это именно так!

– Зажги свет! Мне даже как-то страшно, – взволновалась мама. – Как дальше жить в таком доме?

– Не волнуйся, надо завтра хорошенько осмотреть его, – успокоил папа. – Не бывает же, в самом деле, чудес на свете!

Мы долго не могли уснуть. Потом меня все-таки сморил сон. А родители, похоже, так и не уснули.

Папа пришел с работы пораньше и сразу принялся за осмотр пианино. Мы с мамой тоже подключились. Но больше всех, пожалуй, суматошилась Громышка. Она путалась под ногами и старалась всех опередить. Папа открыл верхнюю крышку пианино. Стало видно часть массивной металлической рамы с натянутыми на нее струнами. Это я видел и раньше: рама как рама, струны как струны. Ничего особенного.

Вынули съемную стенку внизу. Открылась нижняя часть рамы. Те же струны. Все, как всегда. В чем же дело?

– Ну, ты-то что лезешь? До чего же любопытная! Не мешай! – отпихнул папа Громышку.

Он стал шерудить линейкой за рамой, и тут из дальнего угла прыснули две мыши. Круглые рыжеватые мышки с короткими хвостиками. Полевки – определил папа. Громышка метнулась за обеими – и не поймала ни одной.

В углу за рамой обнаружилось круглое, похожее на птичье гнездо, свитое из редких травинок, обрывков бумаги и материи. В него были вплетены мелкие клочки красивого ярко-зеленого сукна. Таким сукном были обиты деревянные молоточки, ударявшие по струнам при нажатии на клавиши. И загадка пианино раскрылась: утеплявшие свое гнездо полевки обгрызали молоточки, оттягивали их, отпускали – и они касались струн.

В задней стенке пианино оказалась небольшая щель. Видно, грузчики где-то неосторожно задели за косяк двери, и стенка отошла. Через эту щель и проникли в сухое, теплое и безопасное нутро инструмента забежавшие из парка мыши. Правда, здесь временами было шумно. Но кто знает, может быть, среди мышей тоже встречаются любители музыки?

Папа заделал щель, и пианино больше никогда само по себе не играло.

История с чердаком

Самым интересным местом в доме был чердак. Чего там только не было! Ржавая керосинка с закопченным слюдяным окошечком, худые валенки, кипа пожелтевших старых газет, несколько дореволюционных журналов «красивой жизни» «Дворцы и усадьбы», дырявый таз, ломаные табуретки и стулья... Я находил все новые и новые вещи. Но попасть туда можно было только с мамой, когда она развешивала там стираное белье. В остальное время вход на чердак плотно закрывала тяжелая западня³, справиться с которой мне было не под силу. Впрочем, когда сохло белье на веревках, западня оставалась открытой: на сквозняке оно быстрее высыхало. Забираться одному мне на чердак запрещалось, но разве можно утерпеть, когда он открыт?!

На чердаке царил таинственный полумрак. Из полукруглого слухового окна тянуло запахами парка, листвы стоявшей неподалеку плакучей березы. От сохнувшего белья пахло морозным ветерком. Пригибаясь под простынями, стараясь не касаться мохнатых от пыли балок, я обследовал чердак, пока мама не улавливала мои шаги над головой. Она выходила в сени, откуда слышнее было шебуршание на чердаке, и кричала:

– Ты опять туда забрался?! Сейчас же слезай, иначе закрою тебя там! Будешь сидеть до вечера!

Меня это, в общем, устраивало, но лучше все-таки было слезть.

Чердак манил и Громышку. Где-то там тоже водились мыши. Кошка не раз спускалась по лестнице с мышкой в зубах. По-видимому, на чердаке охотились и другие кошки, жившие в доме до нас, – в западне был даже вырезан уголок, чтобы кошки могли попасть туда при закрытой крышке.

Но вот на чердаке стали происходить какие-то странные вещи. Громышка стала забираться в свой лаз с большой опаской и оглядкой, что-то высматривала на чердаке прежде, чем в вырезе западни исчезал ее пушистый хвост. Спустя некоторое время наверху слышалась какая-то беготня, пофыркивание кошки, что-то падало на мягкий чердачный пол... Из лаза выскакивала Громышка и, кое-как пересчитав ступеньки, шмякалась на пол. Она была страшно возбуждена и взволнована! Шерсть на ней стояла дыбом, хвост топорщился, как ламповый ёрш. Выгнув спину, она вышагивала «на цыпочках» боком и тарасилась наверх, в черную дыру кошачьего лаза.

– Батюшки! Эким ты кандибобером ходишь! – удивлялась мама. – А расфуфырилась-то! Что там, наверху, происходит?

Она поднималась по лестнице, приподнимала крышку, заглядывала на чердак. Никого. Тишина.

– М-да... – неопределенно протянул папа, узнав о необычном поведении Громышки. – Может, какая-нибудь птица залетела в слуховое окно? Ворона, например. Или сыч – он тут как-то в сумерки на крыше возле трубы насвистывал. Во всяком случае, за кошкой надо бы понаблюдать...

Загадка чердака открылась после воробьиной ночи. Весь день перед этим томила духота, небо клубилось свинцово-черными тучами, в нем что-то созревало и никак не могло созреть. В обреченном ожидании застыли деревья и пруд, отразивший полные скрытого гнева тучи.

Все разрешилось ночью. Мы проснулись от звона стекла с размаху закрывшейся форточки. Яростные порывы ветра сотрясали окна, беспрестанно полыхали молнии. Гроза приближалась, будто подкатывалась на громухучих колесах. Бешеные шквалы ветра гнули дере-

³ Западня – горизонтальная дверь на чердак.

вья, трепали кусты, гнали пыль. Железная крыша грохотала, словно по ней бегали в кованых сапогах. При всплесках молний вывернутая листва деревьев казалась белой, видны были мечущиеся, ослепленные вспышками птицы.

Как нужен был дождь! Хороший, сильный дождь, умеряющий буйство ночной сухой бури. Его редкие крупные капли, как пули, защелкали было в окна, но тут же иссякли.

Он пролился лишь перед рассветом. Свист ветра сменился ровным шумом мощного ливня. Буря притихла, стали слышны журчание и бульканье воды, плеск потока из трубы, переполнившего бочку.

Утро встало тихое, усталое от пережитого разгула непогоды. На дорожке парка, усыпанной сбитыми сучьями и зелеными ветками, я нашел мертвого, разбившегося сослепу воробья. Воробьиная ночь...

У нас бурей завернуло железную крышу, протек потолок и угол дома. Папа пошел на строй-двор за кровельщиком.

В полдень пришел кровельщик Дронов, невысокий человек с серыми закрученными усами, в армейской фуражке, выгоревшей на солнце и потемневшей от пота. Ростом он был невелик, зато огромными были его инструменты: из ящика торчали громадные ножницы и такой же большой, головастый деревянный молоток.

Я упросил маму разрешить мне залезть на чердак вместе с кровельщиком – «под его ответственность», как она сказала. На чердаке стало непривычно светло от завернувшейся крыши.

– Вот, малый, учись, – разложил Дронов свои инструменты, – наше дело возвышенное, мы всегда наверху работаем. Что в доме главное? Крыша! Если крыша худая, дому конец. Любой дом сгниет.

– Молоток-то какой большой!

– Этот? Молоток – он железный. А это киянка. Деревянный.

Кровельщик надел на правую руку огромные ножницы и стал похож на краба с тяжелой боевой клешней. Гримасничая от усилий, что-то подрезал, взял киянку и принялся бить

ею, распрямлять гнутые жестяные листы. Поднялся невероятный грохот. И тут в дальнем темном углу чердака что-то зашевелилось. Небольшой меховой зверек, тонкий и гибкий, как пружина, быстро пробежал по пыльной балке, перескочил к слуховому окну, прыгнул с крыши на березу, меховым ручейком стек по ее наклонному стволу на землю и исчез в кустах.

– От чудеса! – воскликнул Дронов. – Ты видал, малый?

– А кто это? Крыса, что ли?

– Какая крыса? Куница. Уж я-то знаю, потому как охотник!

Забыв про киянку, он сидел в дыре крыши и удивленно покачивал головой.

– Ну и ну! Сколько за ней по лесу исходишь, пока найдешь, а тут, гляди, сама в дом пришла! Ну дела!

Так вот с кем, оказывается, конфликтовала наша Громышка, забираясь на чердак!

Чтобы успокоиться, наверное, Дронов достал кiset, свернул «козью ножку» и закурил. Ветерок растянул над крышей едкий дымок махорки.

Под вечер кровельщик закончил ремонт крыши. Заодно он вставил в слуховое окно застекленную раму – от непрошенных квартирантов.

СОЛОВЬИНОЕ ГНЕЗДЫШКО

Деревья опушились молодой листвой, набухли цветом кисти черемухи, и парк загремел соловьями. Один из них пел совсем рядом, за нашим цветником.

– Какое чудо! – восторгалась мама. – Серенькая, невзрачная птичка – и такой голосище! Зря я упиралась: ей-богу, из-за одного этого стоило переехать в деревню!

Соловьи неистовствовали не только ночами, но и днем. Когда только они успевали отдышаться от своего пения?!

– Знатоки уверяют, что в песне наиболее искусных соловьев насчитывается до сорока колен, и все они имеют свои названия... А что мы знаем? – с укором себе сказал папа. – Надо бы пригласить Пал Палыча: он когда-то держал соловьев...

Агроном Пал Палыч жил в своем доме на селе, далеко от парка, пения там было почти не слышно. Он с радостью принял приглашение прийти послушать концерт. Все вместе мы сумерничали на скамейке в цветнике.

– Ах, шельма, что же он вытворяет! – то и дело восклицал Пал Палыч. – Каким «раскатом» рассыпался! А это вот «кукушкин перелет»... «Клыкание» – слышите?.. А какую «лешеву дудку» выдал!.. «Гусачок»... Опять заклыкал... А теперь – «пульканье»...

Пал Палыч называл различные коленца соловьиной песни, а они все следовали одно за другим, то повторяясь, то звуча впервые, и казалось, что не будет им конца, не хватит названий у бывшего охотника соловьиного пения, агронома Пал Палыча...

– Что ж, вас можно только поздравить: такого певца заимели по соседству! – стал прощаться Пал Палыч. – Вы разрешите, я еще как-нибудь к вам загляну? Уж больно хорош ваш сосед. Карузо! Они ведь все разные, молодые у стариков учатся...

Мне захотелось поближе поглядеть на певца. Я осторожно стал подходить на его голос, подкрался и увидел наконец небольшую буроватосерую птичку. Так вот он какой, соловей! Он сидел на ветке сирени и продолжал петь. Его тонкий клювик был широко раскрыт, раздувшееся горлышко клокотало от звонких щелчков. Казалось, на меня он не обращал никакого внимания. Я сделал к нему еще один шаг – и выпугнул вдруг другую птичку. Точно такую же, как та, что пела на ветке. Певец тут же смолк. В том месте, откуда вылетела соловьяха, я увидел гнездо. Маленькое, свитое из травинок, волос и шерсти. Я не заметил бы его, если бы не вспорхнувшая птичка. Оно располагалось в кустике над самой землей, мне сверху видны были лежавшие в нем четыре зеленовато-глинистых яичка. Я уже знал, что притрагиваться к ним ни в коем случае нельзя, иначе соловьяха может отказаться от них, бросит высидывать. А вдруг она не вернется, напуганная моим внезапным появлением? Но что теперь можно было сделать? Оставалось только поскорее уйти...

Осторожно пятясь, стараясь не делать резких движений, я потихоньку выбрался из зарослей. Пение вскоре возобновилось. А вернулась ли в гнездо самочка?

Пару дней спустя я решил проведать гнездышко. То и дело останавливаясь, я подобрался к нему как только мог тихо. Оно было занято. Соловьяха продолжала сидеть, лишь настороженно поглядывала на меня большим черным глазом. Продолжал насвистывать и щелкать, рассыпать свои трели и соловей. Подходить ближе было рискованно. Мне хотелось, чтобы птички поверили мне, перестали меня опасаться. Застыв на месте, не шевелясь, я стоял так долго, что у меня заныли ноги. И так же бесшумно ушел.

Я стал навещать к соловьиному гнездышку каждый день. И каждый раз подходил к нему чуточку ближе, надолго замирая рядом. Это было как дежурство. В парке иногда встречались бродячие коты, сюда могла заглянуть наша Громышка. Правда, после взбучки за погубленную горихвостку она вроде бы не заглядывалась на птичек, но кто знает, как бы она поступила, наткнувшись на такую доступную добычу? Гнездо ведь находилось так близко от земли! Пока я стоял у гнезда «на часах», ему ничто не грозило. Да и соловьи уже привыкли ко мне так, что однажды я даже погладил самочку по спинке, – она лишь глубже втянула голову в плечи и вжалась в гнездо. Соловей же продолжал заливаться как ни в чем не бывало. Вот когда я наслушался его песен! На целый год!

– Куда ты исчезаешь после завтрака? Ты убредаешь так далеко, что я не могу докричаться тебя! – упрекнула меня мама. – Играй возле дома!

Я, конечно, отлично слышал, когда она кликала меня, но не мог же я ей отозваться, находясь у гнезда! «Дежурство» стало моей тайной, в которую я не хотел посвящать никого. Даже маму. Казалось, это могло как-то навредить соловьям.

В одно июньское утро соловьяхи на месте не оказалось. На земле, в пробившейся травке, валялись тонкие, невесомые обломки яичной скорлупы. Значит, вывелись птенцы!

Да, они лежали на доньшке, плотно прижавшись, сплетясь окомелками⁴ крылышек и тонкими шейками. Какими же они были беспомощно-жалкими! И страшными: головастые, голые, в синеватой кожице, с выпученными огромными темными глазами, прикрытыми полупрозрачной пленкой. Но как они помещались в своей скорлупе? Птенчики были куда больше знакомых мне яичек. Пожалуй, никому на свете не удалось бы сейчас затолкать только что вылупившихся птенцов в их прежнее тесное жилище.

Прилетел кто-то из родителей, сел на край гнезда. Птенцы замотали головками, открыли безобразно широкие, розовато светившиеся глотки. Родитель склонился, положил что-то, как в воронку, в одну из плоток и улетел. Вскоре появился другой, и все повторилось.

Соловей, занятый кормлением, пел все реже и понемногу. А потом и вовсе замолчал.

Птенцы быстро росли, покрывались серыми перышками. Они уже не вызывали жалостливо-брезгливого чувства. Большеглазые птенчики бойко выплядывали из гнезда, радостно встречали прилетавших с кормом родителей, вылезали на край.

А потом гнездо, с которым было связано столько событий в жизни соловьиной семейки, опустело. Знакомые птицы, к которым я так привык, в него не возвращались. Я хотел было взять гнездышко на память, но передумал: а вдруг оно понадобится соловьям на будущую весну? Ведь теперь их вместо пары стало целых шесть! И, если понадобится, чинить старое-то, наверное, полегче, чем строить новое...

⁴ Окомелки – неоперившиеся крылышки.

Муравьиное масло

Кроме работы на конном заводе у папы были участки в окрестных деревнях. Он часто ездил туда верхом, в тарантасе или на дрожках. Если он ехал в экипаже, мне иногда удавалось упросить его взять меня. Он даже давал мне поправить лошадь. О, это было замечательно! Я держал настоящие, хорошо пахнущие кожей, ременные вожжи. Самая настоящая, большая лошадь слушалась меня. Достаточно было чуть пришлепнуть вожжой по ее крупу, и она тут же пускалась рысью, легко несла черный тарантас по мягкой грунтовой дороге. Путь лежал сосновым бором, мимо толстых узластых сосен, мимо полян, пестревших цветущими травами.

– Давай нарвем маме букетик, – предлагал папа.

Я соскакивал с подножки тарантаса, бежал на поляну, окунался в ее сухой пахучий зной. Щекоча голые колени и руки, из-под моих сандалий сыпались дождем кузнечики, с треском поднимались, косо летели над землей и падали в жаркую траву крупные кобылки с красивыми голубыми и красноватыми крыльями. Среди цветов жундели мухи и пчелы. Я стряхивал тяжелых, полусонных шмелей, рвал разомлевшие от зноя липкие гвоздички-смолянки, ромашки и колокольчики, пахнущие медом кашки, сиреневатые скабиозы-короставники... Мама любила цветы, в нашем палисаднике каких только не было цветов, но лесной букетик отличался особой прелестью и нисколько не проигрывал пышным садовым георгинам и гладиолусам.

В бору было много муравейников. В них кипела жизнь неисчислимого множества глянцево блестящих на солнце больших рыжих лесных муравьев. Ни один из них не сидел на месте – управляемые какой-то невидимой таинственной силой, все они были в движении: одни тащили и перебирали на куче веточки, другие ворочали белые, похожие на рис, муравьиные яйца, третьи исчезали в недрах кучи, чтобы подменить тех, что беспрестанно лезли из других ходов... Тысячи муравьев сновали по расходившимся от кучи тропкам, бежали один за другим и встреч друг другу, сталкивались, ощупывали друг дружку усиками и продолжали деловито семенить по утоптаным дорожкам. В кучу можно было сунуть былинку – возмущенные муравьи тут же облепляли ее и опрыскивали «спиртом», приятно-кисловатым на вкус. Однако задерживаться возле муравейника было рискованно: муравьи лезли на сандалии, забирались в носки и чкалили ноги так, будто к коже прикладывали только что потушенную спичку.

Однажды я заметил лежавший на муравейнике комок чего-то кремовато-белого, похожего на сливочное масло. К нему прилипли мелкие соринки, он был испещрен следами муравьиных ножек. Что это такое? Муравьиная куча была большой, до ее вершины, где лежал комок, было не дотянуться. Я спросил у отца: что бы это могло быть? Он подъехал поближе, посмотрел, не слезая с тарантаса.

– Муравьиное масло, – сказал папа, нисколько не удивившись.

И я решил, что ничего особенного в этом нет. Масло так масло. Мало ли чего я тогда не знал.

Больше я никогда с таким явлением не сталкивался и подзабыл этот случай.

Прошло много лет. Мне в жизни повезло: еще студентом я познакомился и на долгие годы подружился с замечательным человеком и превосходным русским писателем Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым. В долгой, изобиловавшей крутыми поворотами и потрясениями жизни ему довелось быть моряком и фронтовым санитаром на Первой мировой войне, летать на первых русских тяжелых бомбардировщиках «Илья Муромец», участвовать во многих арктических экспедициях, путешествовать и охотиться в тундре и на Памире, в Сибири и на Кавказе, в Беловежской Пуще и на Каспии... Всего не перечислить!

Иван Сергеевич великолепно знал и очень любил русскую природу. Вспоминая эпизоды своих путешествий и охотничьих странствий, он частенько брал после таких бесед диктофон – потеряв под старость зрение, писать он уже не мог – и надиктовывал рассказ для очередной своей книги. Мы говорили о встречах со зверями и птицами, об их повадках. Как-то упомянули муравьиных львов, личинки которых сидят на дне вырытых ямок с сыпучими краями, а пробежавшие мимо муравьи осыпаются в ямку и становятся жертвами хищных личинок.

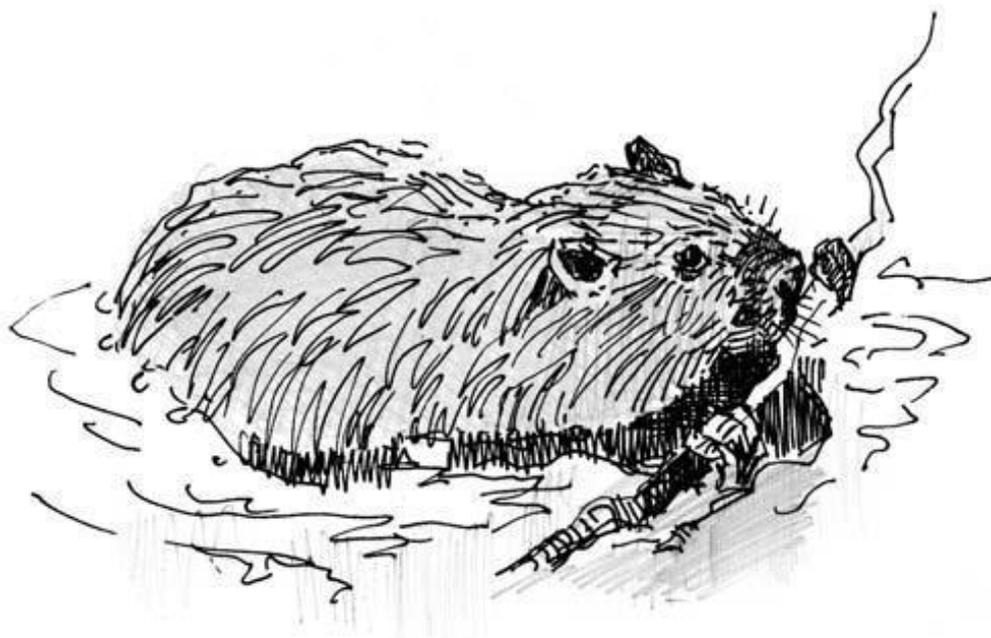
– А не случилось ли вам находить муравьиное масло? – спросил Иван Сергеевич.

И я сразу вспомнил то, что когда-то видел в детстве.

– Удивительно, что мы с вами сталкивались с этим при очень похожих обстоятельствах, – сказал Иван Сергеевич, выслушав меня. – Я тоже видел такое масло при поездке с моим отцом. Только у нас тогда оказалась при себе кружка, в которую мы его положили. Однако оно вскоре растаяло, превратясь в бесцветную, припахивающую муравьиным спиртом жидкость. Как по-вашему, что все-таки это могло быть? Ничего подобного я больше никогда не находил.

После этого разговора Иван Сергеевич надиктовал рассказ о муравьях и муравьином масле.

А я принялся листать книги, чтобы найти объяснение. Прочитал все что мог о муравьях, но нигде ничего не нашел. Может быть, кто-нибудь знает, что же все-таки представляет собой эта штука, муравьиное масло?

На бобровой реке

Река детства

В детстве я жил неподалеку от реки под названием Битюг. Недалеко, но и не очень близко – десять километров. Каждый день не находишься. Но что делать, ближе речек не было.

Отец возвращался весной из поездок по району, рассказывал:

– На Битюге лед посинел и вздулся, по краям лужи, вот-вот тронется...

Лесники приезжали с дальних кордонов.

– Широко разлился Битюг, высоко вода стоит...

Рыбаки приносили свежую рыбу.

– Откуда рыбка? – спрашивала мать, любуясь блестящей чешуей.

– Известно, с Битюга, – отвечали краснощекие обветренные рыбаки. – Откуда же ей еще быть?

На Битюге, говорили, водились бобры.

На старицах⁵ и ближних к Битюгу болотах гнездились журавли, была уйма диких уток.

Битюг, на Битюге, по Битюгу... То и дело упоминалась в разговорах наша речка, не очень далекая и не очень доступная.

Собравшись компанией мальчишек, мы иногда ходили на Битюг купаться. Дорога шла сосновым бором. После его смолистого сухого зноя было особенно приятно окунуться в прозрачную свежую воду. Мы загорали и паслись в ежевичнике, густо опутавшем берег. А Битюг тёк да тёк себе мимо мыска, где валялись мы на горячем белом песке.

И никто из нас не знал, откуда берется речка и куда она течет дальше.

⁵ Старица – старое, заросшее русло рек, затопляемое в половодье.

Давняя мечта

Прошло много лет. За это время я побывал на многих больших и малых реках, на нескольких морях и даже на Великом, или Тихом, океане. Но Битюг по-прежнему манил меня. Будто это была не маленькая речка в Средней России, а далекая сказочная река Амазонка. Такими же таинственными, как в детстве, оставались для меня незнакомые битюжские берега, все так же хотелось узнать, откуда и куда он течет. Да если бы я и побывал на диковинной Амазонке, где плещутся крокодилы, а в тенистых дебрях кричат попугаи, вряд ли оставила бы меня мечта проплыть по Битюгу.

Слов нет, Амазонка замечательная река. Интересно бы побывать на ней!

Но река эта – южноамериканская. Чужих рек много. На всех не побываешь.

А Битюг – это ведь речка моего детства. Одна для меня, единственная.

А раз она моя – как же не знать ее?

И мне стало стыдно, что я до сих пор не исполнил свою давнюю мечту.

Свет не без добрых людей

Я упаковал легкую раскладную лодочку, взял свою собаку лайку, по имени Пыж, и отправился в Воронеж. Оттуда до Битюга ходит местный поезд.

Но пока я выгружался со своим багажом, этот поезд ушел. Холмик зеленых выгоревших рюкзаков сиротливо торчал на сером асфальте. Наверху сидел Пыж: оттуда шире открывалась привокзальная площадь нового для него города.

– Плохо, дружище! – сказал я Пыжу. – Следующий поезд только вечером...

Он лег. Ждать так ждать. Не в первый раз. Мы вместе бывали на Севере, летали на самолете, плавали на пароходе, тряслись на попутных грузовиках... Пыж мне верил.

Я выбрал рюкзак помягче, чтобы погоревать на нем до вечера, но тут подкатило такси. На панели в машине виднелась табличка с фамилией шофера: «Торопыгин». Такая фамилия меня приободрила. Очень уж хотелось поскорее попасть на речку!

– Я бы повез, – сразу согласился шофер товарищ Торопыгин. – Да бензину маловато. Вон Олег Сергеевич стоит, наш главный диспетчер, может, он что сделает?

Олег Сергеевич в больших очках был похож на доктора наук. Он внимательно посмотрел на меня, на объемистые рюкзаки и на терпеливого Пыжа.

– Лайка? – строго спросил главный диспетчер.

– Лайка, – подтвердил я. – Западносибирская.

– Лайка – это серьезно, – уважительно сказал главный диспетчер. – Давайте попробуем.

Надо только заехать к «королеве».

Я покосился на шофера. Но товарищ Торопыгин был невозмутим. Видно, не впервой ему приходилось ехать к этой самой «королеве». И я поскорее забрался в машину: к «королеве» так к «королеве». Лишь бы был бензин!

«Королева» носила красный берет с хвостиком на макушке. Олег Сергеевич просунулся в узкое окошечко, поговорил с ней, и «королева бензоколонки» отпустила нам тридцать литров бензина. Теперь хоть на край света!

Через два часа мы действительно оказались на краю: старое, поросшее травой шоссе обрывалось высоко над рекой. Внизу в воде торчали сваи разобранного моста. Новый мост и новое шоссе виднелись в полукилометре выше по течению.

Вот он, старый знакомец Битюг!

Светило солнышко. Синела река. Покачивались зеленые ножи камыша. И далеко виднелась с обрыва пойма.

– Эх, хорошо! – вышел из машины шофер Торопыгин. При виде такого раздолья ему захотелось поразмяться. Он помахал руками и присел, хрустнув коленками. – Эх, хорошо! – повторил таксист. – Все торопимся, спешим куда-то, а тут такая красотища!

Он посмотрел на часы, нырнул в машину и дал газ. Он торопился взять обратных пассажиров.

Спасибо вам, шофер товарищ Торопыгин, главный диспетчер Олег Сергеевич и «королева» в красном берете! С вашей помощью мы оказались на Битюге раньше того поезда, на который опоздали.

Жизнь хороша и удивительна!

Весло лежит на борту. Течение само тихо несет легкую лодочку. Только сиди да по сторонам поглядывай. И запоминай. А как все запомнишь? Чтобы не забыть, надо, пожалуй, записывать.

Я достал тетрадку, зачеркнул нелепые слова «общая тетрадь» и вывел старательно: «Бортовой журнал. Начат...» И стал думать, какой бы фразой покрасивее открыть мои записи. Но красивая фраза не приходила. Нелегко написать первую фразу на абсолютно чистом листе бумаги. Вспоминалось прочитанное в какой-то старой книге: «Соленый ветер наполнил поднятые паруса, и гордый бриг вышел в море навстречу бурям...» Про море – там легче. А здесь хоть и красиво, но гордости никакой: камыши, лягушки... «Соленый ветер тронул камыши, и...» Нет, не то. И почему он «соленый» здесь, на Битюге? Чепуха какая-то...

И вдруг я увидел явственно, как на кухонном столе стоит банка с солью, приготовленная в дорогу. Я ее забыл... А плавание без соли – это совсем не то, что с солью. Несоленую уху, например, в рот не возьмешь.

Первая фраза в бортовом журнале получилась такой: «Растяпа! Я забыл соль...»

Ход дальнейших записей прервал странный предмет, плывший передо мной по течению. Он был кругл и походил на небольшую плавающую мину. Как у настоящей рогатой мины, из предмета торчал вбок какой-то шпенек. На макушке этой «мины» стояла трясогузка и покачивала хвостиком.

Я отложил бортжурнал, схватил весло и кинулся догонять загадочный шар. Впрочем, никакой загадки, как выяснилось очень скоро, тут не было: по реке плыл обыкновенный арбуз с привядшим поросычьим хвостиком. Я толкнул его веслом – арбуз охотно окунулся и закувыркался, показывая выеденную середину и нацарапанную на темно-зеленой шкуре надпись: «Ел Боря Полторака». В царившей под лучами полуденного солнца тишине я услышал, как хрустела красная и сочная арбузная мякоть на зубах счастливца Бори Полторака, и мне захотелось арбуза. Ах, арбузика бы сейчас! Арбуза и соли – вот чего не хватало мне для дальнейшего плавания по Битюгу...

Прошло время, и ракитник на берегу расступился. Показались крыши дальних домов. Я привязал лодочку за коряжину и отправился на поиски соли и арбузов.

Известно, что любая дорога не минует магазина. Проселок, который мне подвернулся, тоже привел к магазину. Он назывался «Товары повседневного спроса». На крыльчке дремала загорелая бабуса. Перед ней стояло ведро, полное крупных пунцовых помидоров.

– Продаете? – неуверенно спросил я.

Продавать помидоры в селе, утопавшем в садах и огородах, было то же, что торговать ромашками на лугу.

– Три рубля ведро, – встрепенулась бабка.

– Мне этого много, продайте полведра.

Бабка подумала.

– Не, – сказала она. – Ведро.

– Ну, за те же деньги, только полведра.

– Не, – отрезала она, хорошенько подумав снова. – Ведро. Куда я полведра дену?

От густо свисавших с потолка липучек магазин имел новогодний вид. Соли и арбузов в нем не оказалось.

– Соль и кавунцы в хозмаге у Михалыча, – сказала продавщица, осторожно выглядывая между липучками, чтобы не приклеиться. – Только его нету. В школу вызвали. Павлик двойку получил.

Я отметил, что сегодня лишь третье сентября. Когда же этот Павлик умудрился схлопотать «пару»? Вот скоростник!

– Он такой. Его двойки раньше его родились, – выдала Павликову тайну продавщица. Бабка на крыльце сняла с ведра три помидора и протянула их мне.

– Возьми, коль приглянулись.

Я полез за кошельком.

– Не, не, – замахала руками бабка и разровняла помидоры в ведре, чтобы оно снова стало полным. – Я ведром продаю!

Я все-таки заглянул в хозяйственный магазин. Продавца Михалыча все еще не было. Эх, Павлик, Павлик...

– Соль у него заперта, а кавунцы еще не оприходованы, – сказала жена продавца и сдвинула на телеге солому.

Под соломой лежали арбузы. Темные и некрупные, похожие на пушечные ядра.

– Хорошие кавунцы, – шелкнула по арбузу хозяйка. – Сорт «победитель».

– Проси, – шепнул я Пыжу.

Пыж посмотрел на хозяйку и вежливо буркнул.

– Хорошая у вас собачка... – вздохнула жена продавца и вынула двух «победителей».

Я опять полез за кошельком.

– Не, – отказалась от денег хозяйка. – Не могу я торговать. Не оприходованы потому что. Только привезли, не разгрузили даже. Каб мешок, а то всего два...

А соли мне дал пастух. Обычного пастушеского кнута у него не было.

– Нужон он мне! – улыбнулся пастух. – Да я за соль любую корову «куплю»!

Пастух достал из висевшей на боку торбочки горсть соли и показал коровам. Они шумно засопели и, облизываясь, пошли за пастухом.

Светило солнце. Тихо плыла, плаваясь в его лучах, река. Шуршали сухими крыльями стрекозы. Я ел сочный прохладный арбуз. Вот жизнь наступила!

Пыж тоже чвакал арбузом. Он заглатывал куски прямо с семечками. А я их сплевывал за борт. Они медленно погружались, поворачиваясь в светлой воде. Если бы они проросли, вся река была бы в арбузах!

На арбузные семечки набрасывались селявки. Они подталкивали их носами, пытались обсосать край.

Я опять вспомнил про журнал и сделал наконец «красивую» запись: «Есть и соль, и арбузы. Жизнь хороша и удивительна!»

Берег левый, берег правый

Водная дорога то становится широкой, как автострада, то сужается, как глухой проселок. Берега сдвигаются и заглядывают в лодку. Буйными травами, пышными цветами украсил их Битюг. Высоченные, в руку толщиной дудки перевиты хмелем и вьюнком. Издалека видна в зеленой осоке вишнево-красная плакун-трава, яркая и жизнерадостная, вовсе не похожая на кислую плаксу. Свесились, любуются своим отражением сиреневые астры. Стойко цветет, несмотря на сентябрь, растение с суровым названием «окопник». Словно соревнуясь между собой, берега выставляют напоказ свою красоту. Я включился в эту игру, разделил лист журнала пополам: «берег левый» и «берег правый». Где больше?

Скабиоза – это на правом!

Татарник – тоже.

А на левом – мята. И за нею – горец!

Справа – вероника!

Незабудки – на левом...

Но вот налево высится нечто удивительное: длиннющая палка, облепленная тесно сидящими желтыми цветами. Я даже причалил, чтобы разглядеть получше. Оказалось, что эти «палки» – там и сям – торчали по всему берегу. Здесь был выгон. Несколько черных коров бродили между желтыми палочками. Многие из этих странных растений были куда выше моего роста – метра два с половиной! По самой земле – округлые мохнатые листья, как уши. А из разложенных по земле ушей – то, что я увидел из лодки, – толстый хлыст с как бы вплетенными в него желтыми цветами. Я узнал гиганта и вспомнил его название. Вполне естественно, что при таких размерах их было два: по листьям он назывался «медвежье ухо», а по цветам – «царский скипетр». Было и третье – «коровяк». Теперь, глядя на прогуливающих между скипетрами коров, я понял, откуда появилось и это название.

Получилось у меня в журнале что-то вроде гербария. Но не из растений, а из их названий. Жаль, маловато оказалось у меня сведений, чтобы узнать все цветы в «лицо»...

А Пыж коллекционирует запахи. Близкие берега пахнут притаившимися зверями и птицами. Вот дохнуло чем-то незнакомым. Может, это черепаха, пригревшаяся на солнце?

Тоненькая, обрывающаяся, будто пунктирная, ниточка тянется от маленькой птички камышевки, перепархивающей в тростнике. Иногда Пыж поскуливает и нетерпеливо топчется. Наверное, почуял толстый запах кабана, который сидит в тине и смотрит сквозь камыши, как проплывает лодочка с остроухой лайкой на носу.

После светлых лугов речка прячется в лесу. Тенистые липы, ольхи и клены нависают над водой. Мы плывем под их сводом, как в туннеле. Какой, должно быть, стоит тут дух, когда цветут липы!

А сейчас здесь пахнет дубом – крепким, ядреным запахом ранней осени. На дубах созрели желуди. Они падают в воду, булькнув увесисто и коротко, как пули. Дубы метят в нашу лодочку.

Понг! – стучаются желуди о тугую брезентовую палубу.

Пульк! – выговаривают они, врезаясь в воду.

«Р-р-р-р!» – выговаривает Пыж, когда желудь угодит в него.

Водяной пастушок

Порой кто-то окрикает нас из камышей, вопрошая требовательно и строго: кто?! Откуда?!

В просветы зарослей видно, как быстро бежит рыжевато-черная птица – водяной пастушок. Кого пасет он в камышовых джунглях? Не клопов ли водомеров?

Водомеры целыми стадами отстаиваются где-нибудь в затишке. Увидят надвигающийся нос лодки и разбегаются по воде врассыпную. У водомера на ногах широкие лопаточки-водоступы. Бежит он в них по воде, как по полу, не проваливается. Бежит толчками, вымеряя речку четвертями. Раз толчок – четверть. Два – еще четверть. Перемерил Битюг и встал под бережком, чтобы течением не сносило.

Водяной пастушок тоже не проваливается на воде. Росту невеликого, с цыпленка, а ноги будто от цапли приставлены – голенастые и длиннопалые. В самый раз такими ногами по водорослям бегать. Вот пастушок и бежит. Как посуху. Добежит до края камышей, а дальше – стоп! – чистая вода. Омуты, ни единой травки. Надо лететь. А летун он совсем неважный. Не столько летит, сколько бежит, крыльями лишь помогает, да с таким плеском и шлепом, будто кто в ладоши хлопает. Одолел чистую воду, сунулся в камыши и исчез, как иголка в стогу сена. Не ищите теперь пастушка. Вряд ли на глаза покажется. Большой мастер в траве прятаться. Теперь до новой встречи с другим пастушком.

Рыбаки и рыбки

Какая речка обходится без рыбаков! Есть они и на Битюге.

Я замечаю торчащие из кустов длинные удиллица и перестаю грести, чтобы не пугать рыбу.

– Ну как – ловится?

Рыбак откликнется не сразу. Ему надо очнуться от сладких мыслей, привязанных к висящему под водой крючку.

– Рыбка плавает по дну... Нам поймать хотя б одну...

Все ясно: неудачник этот рыбак.

Другой отвечает:

– Удить-то удим, только есть навряд ли будем...

Тоже понятно. Из той же компании невезучих рыбаков.

Третий улыбается, подмигивает с берега:

– Кошке да себе немножко.

– Это сколько же – «немножко»?

– Да вон целое лукошко.

Ну а это уже немало. Оттого и весел этот балагур.

Четвертый машет рукой, вздыхает:

– Без лодки какая рыбалка... Вот если б на лодке...

Этот рыбак из разряда мечтателей-нытиков. Ему дай лодку – он все равно будет вздыхать: «Что тут за рыбалка? Битюг – речка маленькая... Рыба тут мелкая... Вот если б на Дону...»

Окажись он на широком Дону, мечты и там понесут его дальше: «Вот если б на море... Или на Атлантическом океане – вот где рыба ловится!»

Попадались рыбаки и на лодках. Больше на резиновых пухлых надуватках. В одном месте так густо заплотили речку – еле протиснулся между ними. Сидят рыбаки, каждый в своей резиновой «тарелке», и на поплавки соседей поглядывают: как там у них?

Встретился старый рыбак на лодке-душегубке, выдолбленной целиком из ствола толстой осины. Сидит на корме, вёселком потихоньку отгребаётся. За ним тянется «дорожка» – длинная леска с латунной рыбкой-блесной на конце. На щуку такая снасть. Поздоровался.

– Ж-ждраштвуй, – отвечает.

Спросил у него, далеко ли до города Боброва.

– Жавтра догребешь, ешли поштараешша.

– Что-то я у тебя, дед, ничего не пойму, – посетовал я. – Жамкаешь что-то, все «ж» да «ш»... Жужжишь, как шершень.

– Видишь? – показал он стиснутые вставные зубы. – Жубами дорожку держу. Жубами шражу почувштвуешь, когда шщука возьмет.

– Ох, дед! Хватанет большущая щука и вырвет дорожку вместе с зубами! – предостерег я рыбака.

– Нич-чо! – засмеялся рыбак, не выпуская из зубов жилки. – Они у меня железные. Ишшо поштавлю. Жележа в штране хватает!

Зимородки

Но самые усердные рыбаки на Битюге – это зимородки. Часами сидит зимородок над рекой и смотрит в воду. Ждет. Терпеливо, как кошка, караулящая мышь у норки. Увидит рыбку под собой и камнем врзается в воду. И почти всегда вылетает с уловом. Редко когда промахнется.

Для такой рыбалки нужна прозрачная вода. И поэтому живут зимородки только на чистых речках.

Ростом зимородок поменьше воробья, но разодет как франт: голова и крылья зеленые, спина голубая, манишка красноватая, а щеки желтые с черной каемочкой. Далеко его видно, когда он быстро летит над самой водой, будто яркий изумрудный фонарик.

Я знал, что зимородки роют в берегах глубокие печурки и делают в них гнезда из мягких рыбьих косточек. И что пахнет из такой печурки рыбой.

Нам не раз попадались печурки в обрывистых берегах. Некоторые я даже обнюхал, но запаха рыбы не уловил. Пахло из них землей и немножко курятником.

Однажды я насторожил жерлицу – снасть на щуку, похожую на рогатку. Одним концом леска на рогатку намотана, а на другом – живая рыбка для приманки щуки, «живец».

Ночью наживку никто не тронул. А в полдень я обнаружил жерлицу размотанной. Ага, кто-то есть!

Но крючок оказался пуст. И леска стянута как-то странно – не в глубину, куда щука обычно пытается уйти, а к берегу. Я снова поставил жерлицу. И опять кто-то снял живца. Кто же ворует наживку? Я решил подкараулить воришку и спрятался в кустах. Не прошло и часа, как загадка жерлицы раскрылась. Зимородок!

Он сел на палку, к которой крепилась жерлица. Замер, наблюдая за рыбкой. И как только живец подплыл – кинулся в воду.

Пришлось мне снять жерлицу. Поймаешь еще ненароком зимородка!

Кабаны и черепахи

Говорят, панцирь черепахи выдерживает автомобиль. Не знаю, не проверял. Была черепаха – не было автомобиля. Был автомобиль – не оказывалось под рукой черепахи. А если бы и оказалась, все равно не следовало бы, наверное, подкладывать под колеса бедную черепаху.

Но сам я вставал на панцирь умершей и высохшей черепахи. И даже попрыгал на нем. Хоть бы что! Панцирь этот я когда-то нашел на болоте.

В Битюге тоже живут болотные черепахи. Я причалил под вечер к берегу и пошел посмотреть, годится ли он для ночевки. Когда я вернулся к лодке, она чуть-чуть отошла на ослабшем шнуре. Низкое солнце просвечивало под лодкой воду, и в этой солнечной воде плавала вверх ногами черепаха. Небольшая черепашка, величиной с пепельницу. Как водолаз-аквалангист, которого спустили осмотреть подводную часть судна, черепашка изучала мягкое резиновое днище. Возможно, оно представлялось ей животом невиданного плавучего чудища. Черепашка тыкалась в днище головой и скребла по резине корявыми узластыми лапами. Короткий тонкий хвостик смешно отвисал в воде, как шнурок от ботинка. Черепашка заметила меня и спряталась под берег.

Но ее любопытство все-таки оказалось сильнее страха. Я опустил в воду весло. Черепашка подумала немного и выбралась поглядеть на блестящую алюминиевую лопасть. После ужина я пустил поплавать на веревочке пустой котелок, и она снова не удержалась, чтобы не посмотреть, что это такое.

А в лесах по берегам Битюга живут кабаны. Они проминают в камышах тропы к реке, жуют сочные корни рогоза и распахивают лужи в поисках жучков.

Какая связь между кабанами и черепахами?

Я считал, что никакой. Кабаны – кабанами, а черепахи – черепахами.

Но вот мы с Пыжом забрели в лес и наткнулись на болото. Жаркое лето высушило его. Илистое болотное дно было истыкано кабаньими копытами. В болоте жили черепахи. Мы нашли несколько панцирей, но все они были пусты и разломаны. Что случилось с черепахами? Кто сокрушил черепашую броню, которая, говорят, выдерживает автомобиль?

Оказалось, кабаны. Всеядные дикие свиньи ухитрились расколоть, как орехи, панцири и полакомиться беспомощными обсохшими черепахами. Вот вам и несокрушимая броня!

Не знаю, как в отношении автомобиля, а против мощных клыков кабанов-секачей черепаший панцири не устояли.

Бобры

Бобры – исконные битюжские жители. Даже город, стоящий на Битюге, называется Бобров, и на гербе этого города изображен бобр.

Мало кто видел бобров на воле. Зверь ночной и очень осторожный. Но следы их ночного хозяйничанья трудно не заметить. Подгрызенные и поваленные деревья, вороха широких, как от стамески, стружек, пни, похожие на плохо заточенные карандаши, промятые в камышах тропинки, хатки, в которые можно попасть, лишь поднырнув в воде, – все это работа бобров.

И пляжики, обтопанные мокрыми перепончатыми лапами, тоже бобриные: тут они выходят на берег. Каждый такой пляжик оглажен чем-то мокрым, будто бобр вытаскивал бредень. Я не сразу взял в толк: что же все-таки выволакивают бобры из реки? А потом догадался: хвост! Широкий и плоский, как лопата, голый хвост, который охотники называют ошибом. Выберется бобр на пляжик, вытащит тяжелый мясистый хвост-ошиб, отряхнется по-собачьи и отправится знакомой тропкой по своим ночным делам.

Ночью меня разбудил какой-то звук. Полежал, прислушался. Тихо. Может, показалось? Но вижу, что и Пыж насторожился. Сидит у застегнутого выхода из палатки.

Вдруг – бу-бух! Будто валун сбросили с обрыва в реку. Пыж даже подпрыгнул.

И опять тишина.

Спустя время снова: бу-бух! Еще валун. И пошло, удар за ударом: бу-бух! Бу-бух! Бу-бух!

Признаться, оторопь меня взяла. Ночь, безлюдье и глушь, а Битюг такими бултыхами выворачивается. Вылез из палатки, а Пыжа оставил, чтобы не спугнул тех, кто булыжниками кидается. Луна. Реденькие облака, как перышки, ровно растружены. Зябко. Речка плотным туманом залита. Красота! Красиво, но ничего не видно. Кто-то в тумане шебуршится осторожно. Тихо поплескивает. Бухнуло! Еще раз! А кто – не видать. Только туман покачивается, светится под луной. Но тут запертый в палатке Пыж обиженно твякнул – и все стихло.

А в один из вечеров я припозднился у костра. Поправлял, пошевеливал палочкой дрова, смотрел в огонь. Слышу: шуршит осока на том берегу. Чьи-то шаги. Соступил в воду. Всплеснул... Поплыл... Два уса разошлись по воде. И вдруг – как бухнет! Так же, как тогда. На валун похоже. Круги побежали по омуту. Закачалась в них, раскололась отраженная луна. Не успела вода успокоиться, опять как шибанет!

Бобр. Недаром у него хвост так называется – ошиб.

Фигура браконьера

Я полюбил Битюг сразу, с первых дней плавания. Полюбил его зеленый мир, тихие заводи с белыми кувшинками, его чистую воду, птиц и рыбешек, быстрых, как солнечные зайчики.

Мне захотелось защитить эту маленькую речку. Но от кого? Кто мог ей угрожать?

Прежде всего, конечно, браконьер. Самый страшный враг природы. Фигура браконьера представлялась мне омерзительной. Фигура скалила желтые ненасытные зубы и бряцала ржавыми петлями-ловушками. С браконьерского плеча свисала мокрая сеть, полная красноперок. Карманы топырились от шашек тола. Я поглядывал, нет ли в округе такого браконьера, чтобы схватиться с ним и выдворить с Битюга.

Но браконьера не было. Никто не перегораживал речку сетями, не глушил рыбу толлом и не палил из ружья в птиц и зверей. Желание защитить Битюг не находило себе дела и беспомощно обвисало, как парус в полный штиль.

И вот появился браконьер. Он сидел в старом, латаном ботничке и натягивал перемёт – десятка два крючков на длинном, через всю реку, шнуре. Я подгрел к ботнику. Браконьер разогнулся и оказался тщедушным конопатеньким дедушкой.

– Доброго вам здоровьица, дальний путешественник, – ласково сказал дедушка-браконьер и глянул на меня голубыми, как цветочки льна, глазками. Он снял картуз. Обнажилась лысина, покрытая крупными веснушками, похожая на божью коровку. – Благодать-то какая! – продолжал он, окидывая взглядом речку и расплываясь в улыбке.

– Разве перемёт не запрещен? – Я решил не поддаваться на браконьерскую ласку и быть строгим.

– А не знай, милоч, – ответил он, все так же улыбаясь и не обращая внимания на мою строгость. – Всю жизнь, как родился туточки, ловлю. Поставлю да и пойду. У коровы прибрать или картохи копать, к примеру... А вечером приду, глядишь, и будет десяток окушков нам со старухой на ушицу. Или плотвушка попадет, тоже годится...

Нет, не браконьер этот дедушка, решил я. Человек, который родился на речке и прожил на ней жизнь, имеет право ловить в ней рыбу. Даже перемётом, который работает на рыбака, пока он косит сено или копает картошку. Никак не мог я найти злостного хапугу браконьера...

Но не все благополучно было на Битюге. Все-таки речка нуждалась в защите. Едва мы тронулись в путь, мне попала бутылка. Сразу вспомнились старые романтические истории с кораблекрушениями, бутылочная почта... Я даже заглянул в бутылку – нет ли в ней записки?

В остальные заглядывать уже не хотелось. Одни бутылки плыли по течению, другие торчали, застряв в водорослях. За каждой из них виделся взмах человеческой руки, бездумно метнувшей бутылку в чистую реку. Нет, одной руке не под силу было накидать столько бутылок. Тут требовалась компания бутылкометателей...

Я попытался подсчитать бутылки, чтобы предъявить этот счет первому встречному метателю. Но никто не кидал на моих глазах бутылок. Предъявить счет было некому.

Ночью мне приснился сон. Всех бутылкометателей затолкали в огромную бутылку. Они барахтались в ней и скользили по стеклу, как хлебные вредители жуки-кузьки, которых мы собирали на полях в школьные годы.

«Не надо нас в воду! – вопили бутылкометатели. – Мы больше не будем!»

...В конце пути фигура браконьера представлялась мне уже иной. Она была неопределенных форм, рыхлой и расплывчатой. Она все время меняла свои очертания, и воевать с ней было трудно, удары как бы приходились в пустоту. Фигура была составной. Она складыва-

лась из тех рыбаков, которые густо сидели в резиновых лодках и раскидали вокруг крючков больше чем в двадцати перемётах, и из тех неизвестных, которые скатили в речку вонючую бочку из-под солянки. В нее входили лесорубы, которые бензопилой «Дружба» валили зеленые деревья на берегу неподалеку от села Верхняя Тойда. В ней можно было разглядеть того стрелка из города Боброва, что пальнул забавы ради из двустволки в налетевшую цаплю-чепуру и, к счастью, промахнулся. Беззаботные бутылкометатели дополняли безобразную фигуру браконьера.

Я устыдился, когда вспомнил, что однажды выплеснул в реку сажные помои из котелка. Значит, и я прилепил к бесформенной браконьерской фигуре свой кусочек, тоже навредил немножко Битюгу – маленькой речке, которую так легко испортить. Которая вырастила тенистые леса на берегах, а в лугах – пышные травы. Которая кормит, укрывает и радует многих птиц, рыб и зверей.

И людей, конечно, тоже.

Молочные реки, сырные берега

Рано утром из лесу донеслась музыка. И глухой дробный топот множества ног.

«То ли еще будет, ой-ей-ей!» – предупреждала певица.

Показались коровы. Они бежали на луг, возле которого я встал на ночлег. Это было похоже на утренний кросс горожан «трусцой от старости». Лидер кросса, крупная пятнистая корова с кудрявой челкой между голубых рогов, прибежала на выгон, протрубила о своем первенстве и принялась жадно, с хрустом драть траву.

Послышались жестяное брэнчание и скрип. На опушку выехал на разболтанном дамском велосипеде пастух. За ним в траве змеился черный, мокрый от росы кнут. Велосипедные колеса отчетливо выписывали число 88. Пастух на ходу сошел с седла, подтолкнул велосипед, и тот сам ткнулся в куст, уперся в него рогами. Кнут замер, как пригревшийся уж.

– Здорово ночевали! – сказал пастух.

На нем была выгоревшая пляжная кепочка. Таинственный лунный свет стоял под ее синим прозрачным козырьком.

– Подсаживайтесь завтракать! – пригласил я пастуха.

– Это можно! – охотно согласился пастух. – А чего мне теперь делать? Хоть весь день завтракай. Сейчас только музыку им поставлю. – Он щелкнул клавишей магнитофона.

Полились звуки танго. – Под эту пасутся хорошо. А под ту лучше бегут.

За едой пастух снял кепочку. Без синего козырька лицо его оказалось рыжим, с красным облупившимся от солнца носом.

Звучала музыка. Дружно хрупали и сопели коровы. Велосипед поблескивал из куста остатками никеля. Мы ели манную кашу, помидоры и частичку в томате.

– Приходи вечером на тырло⁶! – позвал пастух, расставаясь. – Гостем будешь!

⁶ Тырло – участок пастбища у водоема, предназначенный для отдыха скота.

Зорями над Битюгом гудят моторы. Идет электрическая дойка коров. Мне давно хотелось посмотреть, как это делается. И я под вечер отправился в коровий лагерь. Большое красное солнце катилось по краю земли. Битюг тихо струил красную воду меж черными камышами. У ограды лагеря желтела автоцистерна с надписью: «Молоко». Под навесом урчала доильная установка с детсадовским названием «Елочка». Коровы стояли в металлических станках и косились на длинный гибкий шланг. Он вздрагивал от бежавшего в цистерну молока. Облако теплого молочного запаха висело над тырлом. В нем бесшумно метался, ловил мошкарку козодой.

Пастух сидел в вагончике за дощатым столом и разминал молодую картошку с простоквашей.

– Теперь ты со мной повечеряй! – подвинулся на скамье пастух.

Над столом висел вырезанный из газеты портрет доярки, обнимающей большую пятнистую корову.

– Это та обжора с голубыми рогами? – узнал я корову.

– Она! – с гордостью сказала доярка. – Наша Клепочка. Клеопатра. Любит покушать. Зато и молока дает за двоих. Недаром говорится: «У коровы молоко на языке».

Меня угостили парным молоком. Оно пахло лугом. Пышная пена щекотала губы и шептала из кружки, уговаривая выпить еще.

Шофер молоковоза удил с мостков рыбу.

– Оккупанты лохматые! – ворчал шофер, насаживая на крючок свежего червяка. – Такого классного выползка слопали...

– Чего бурчишь? – спросил пастух в темноту. – А, Валерк?

– Та раки! – с досадой сказал шофер. – Не успеешь закинуть, тут же набрасываются!

– У тырла завсегда раков много, – рассудительно подтвердил пастух. – Тут им харишки переппадают, ополоски бидонов, комбикорм...

– Валера! – крикнула доярка. – Молоко пить будешь?

– Оно мне снится, это молоко! – отозвался шофер. – Все молоко да молоко. Кабы квасу!..

Долго гудела «Елочка». Потом шум оборвался, все стихло. Стало слышно, как дышат коровы и пробует голос лягушка на Битюге.

– Всё, Валера! – сказали в тишине. – Можешь ехать.

Цистерна, высвечивая пыльную дорогу, покатила в город на молокозавод. Будто пробился и побежал от Битюга молочный ручеек, чтобы слиться на заводе с ручейками от других коровьих лагерей и превратиться в кефир, ряженку и сметану, в пласты желтого масла и большие, как автомобильные скаты, круги сыра.

Старый друг

Что испытывает человек, оказавшись в краях своего детства? Прежде всего, радость от того, что видишь знакомые места. Радость от того, что ждешь – вот-вот встретится старый друг! Но бывает еще почему-то немножко грустно, словно в светлом осеннем лесу, тихо роняющем листья. Может быть, потому, что того счастья, которое было когда-то, уже не вернуть...

У меня ёкнуло сердце: неужели это та самая песчаная коса, где валялись мы под солнцем? Так же, как тогда, была она покрыта осыпавшимися следами босых ног. Значит, кто-то приходил сюда купаться в жаркий день и бегал по горячему песку, делал такие же запруды у воды, запуская в них пойманных в пригоршню глазастых мальков... Вот я и приплыл в свое детство...

С радостью и печалью в сердце я отшагал те десять километров, что отделяли село от Битюга. Там жил мой давний друг Коля. Он работал главным агрономом сада и, конечно, был уже не Коля, а Николай Аркадьевич.

В совхоз-сад я пришел под вечер. В конторе Колю я не застал.

– Он тут редко сейчас бывает, – сказала мне уборщица. – Время такое – съём урожая!

На широком асфальтированном дворе было тесно от ящиков с яблоками. Между ними осторожно разворачивались тяжелые грузовики и тракторы с тележками, сновали верткие автопогрузчики и автокары. Двор был похож на перекресток дорог, по которым шло перебазирование механизированных войск. На упакованных ящиках свежей краской было написано: «Архангельск», «Свердловск», «Новосибирск»... Эх, яблочко, далеко ты катишься!

Коли и здесь не было.

– Где-нибудь в саду! К сторожке загляни!

Я никогда еще не был в таком громадном саду. Коля писал мне, что в сад приходят из леса лоси, кабаны и куницы, в нем живут зайцы-русаки. Это все гости непрошенные: лоси обкусывают молодые веточки, зайцы обгрызают кору, кабаны подкапывают корни. Другое дело – птицы и пчелы. Одни истребляют вредителей, другие опыляют цветущие яблони. И здесь их любили: на деревьях висели скворечни и дуплянки-синичники, а под яблонями ровными рядами разноцветных ульев выстроилась пасека.

Совсем засумерничало в саду, когда мы с Пыжом добрались до сторожки. Вышла стоптанная луна и покачивалась в перистых сквозных облаках.

Возле беленой мазанки сидел на перевернутом ящике сторож и гладил корноухого кудлатого пса. У стены стояла охотничья одностволка-«переломка». В ее ствол был воткнут подсолнушек-позднышек.

– Сиди, Рвач, сиди, – уговаривал сторож псину. – Это сразу видно, не жулик. Те гнутся, хотят стать помене. А этот вон как идет, лбом яблоки сшибает.

– Я нечаянно, – сказал я. – Не успел пригнуться...

– Да сшибай, сшибай, – разрешил старик. – Их вон сколько – пять тысяч тонн! Замучились, день и ночь грузим.

Караульный пес Рвач колотил по ящику толстым от репьев хвостом и посматривал янтарными глазами то на меня, то на Пыжа. И взгляд их говорил совсем не то, о чем стучал хвост.

– Сердит, видать? – Я отвел на всякий случай городского чистюлю Пыжа в сторону и привязал под яблоней. Более близкое знакомство с кудлячком едва ли обошлось бы без драки.

– Что ты! – согласился сторож. – Второй директор!

– Имя какое-то дали ему человечье... Дорого берет за свою охранную службу, что ли?

– Это смотря у кого какие штаны. Одному тут порвал, а они какие-то американские. Джинсы, что ли, двести рублей, говорят, стоят. А какой артист! Человека никогда не тронет, а одни только брюки, ну как ножом срежет!

«Это точно, – говорили прозрачные собачьи глаза. – Это я умею...»

– Охотников до витаминов хватает, – продолжал сторож. Он, видно, хотел наговориться впрок, на всю одинокую безмолвную ночь. – Как-то слышу раз: яблоню трясут, яблоки об землю – тук, тук, тук... Притихнет маленько, и опять – тук, тук, тук... Ах ты, пакостник, думаю, сейчас я тебя прямо с дерева сыму. Подкрался потихоньку – наверху никого. А под яблоней, смотрю, – кабанша и вокруг ейные поросята. Она нет-нет да и торкнет в ствол плечом – яблоки градом. Постоит, послушает, ушами поводит – и опять. Яблоки падают, а ребятки за ними гоняются, шустрые такие и полосатые, как хоккеисты... Или вот как тогда...

Голубой электрический свет залил сад. Сторож зажмурился и замолчал. Полуоблетевшие ветки яблонь вычертились на свету кружевной сетью, в которой, как пойманные воробы, темнели яблоки. По садовой дорожке катился, подпрыгивая на резиновых шинах, трактор. Он полоснул лучом по беленой стене сторожки, выхватил горой лежавшие под навесом яблоки и остановился. В прицепной тележке, держась за высокие борта, галдели и смеялись женщины. Среди них я разглядел Колю. Он узнал меня, выпрыгнул и сгреб в охапку:

– Садись, поехали!

Я посадил Пыжа, меня подхватили сразу несколько крепких небольших рук. Выхватывая фарами стволы яблонь, трактор поскакал в сторону усадьбы. То наискосок, то поперек открывали свою глубину междурядья. В них клубился голубоватый туман. Держась друг за друга, девушки пели:

Как на лужке при луне...

Тележку трясло, песня прыгала и рвалась: «А-а-а... у-у-у...», но все равно было прекрасно ехать по лунному саду, пахнущему яблоками и отсыревшей к ночи землей.

Коля был моим охотничьим другом. Сколько немереных километров прошли мы вместе, о чем только не было переговорено у неторопливого ночного костерка! Я провел у Коли почти весь следующий день. Он показывал мне сад. Пыж останавливался у холмиков свежекопаной земли, шумно сопел: где-то под нами, в таинственном саду корней, прокладывал свои ходы крот.

– Приезжай, когда откроется охота по чернотропу! – прощался со мной Коля. – Пропасть, сколько стало кабанов!

Будто сообразив, о чем идет речь, Пыж напомнил о себе, ткнул в руку носом: «Соглашайся, чего там!»

И я пообещал:

– Приеду!

Осы, шершни и щурки

Запах яблок – один из самых моих любимых. Он говорит о довольстве осенней земли и радостном труде садовода. Теперь у меня в лодке пахнет Колиным садом. Целый ящик великолепных яблок!

Их сразу оценили осы. Пахучая струя, которая тянется за лодкой, притягивает их с близких берегов.

Осы вызывают у меня одно и то же воспоминание: летнее погожее утро, открытая веранда, где пьем мы чай, солнечные зайчики на стенах и потолке, сирень и птичий щебет за окном – и непременно оса, нащупывающая своим хоботком что-нибудь сладкое. За это воспоминание я отношусь к осам с симпатией.

Чем можно им поживиться в сентябрьском лесу? Отцветающие ромашки, скабиозы, лиловые головки татарника... Если повезет – груши-дички, ягоды тёрна, лесные яблочки-кислушки, шиповник.

А тут – отборные плоды сорта «осеннее полосатое»! Сладкие и ароматные! Как только осы улавливали пахучий «шлейф» лодки, они без сожаления расставались с тощими головками татарника и кидались в погоню. Они ползали по лодке, забирались мне в волосы и щекотали шею. Они искали лазейку в заветный ящик. На нем сидел Пыж. В густой Пыжевой шубе устойчиво держался запах «осеннего полосатого». Осы липли к Пыжу, как к меду. Он отщелкивался по-волчьи.

Чак! – мимо. Чак, чёлк!

– Ох, смотри, Пыж, «рубанет» тебя оса!

Чёлк, чёлк! – опять мимо. Чак! – и пес вскочил, завертелся, скалясь и строя рожи, отплевываясь от осы. Лодка накренилась. Пыж спрыгнул и поплыл к берегу: ну тебя с твоими яблоками!

А в ящике шло пиршество. Осы выгрызали в яблоках пещеры и, опьянев, засыпали. Я извлекал их соломинкой, вялых и сонных, сомлевших от блаженства. Выбранные осами яблоки были всегда самыми спелыми и сладкими.

Шершень тоже оса, только раза в два больше. Но жалит больше, чем оса, не в два раза, а, пожалуй, раз в десять. Разнесет укушенное место, и, бывает, даже температура поднимется. Правда, ни осы, ни шершни первыми обычно не нападают.

На открытом берегу я увидел необыкновенную лесную яблоню. На всех диких яблонях яблоки с грецкий орех, а на этой – как в Колином саду. Захотелось мне отведать лесного яблочка и сравнить с теми, что были в ящике. Я забрался на дерево, потрянул. Посыпались яблоки. И тут же раздалось грозное гудение. Шершни! Я спрыгнул, подхватил первое попавшееся яблоко и кинулся бежать.

Целое и красивое снаружи яблоко было почти полностью выедено изнутри. Одна кожура. Так обработали его шершни. Я все-таки попробовал его. Оно было не таким вкусным, как из сада, но несравненно слаще, чем другие дички. Сидел, наверное, на берегу рыбака, грыз, глядя на поплавок, яблоко, кинул через плечо огрызок, и поднялось из него дерево, сманившее шершней со всей округи.

Там, где много ос, много и щурок. Осы – их излюбленная добыча. Оперение у щурок, как у райских птиц, окрашено красным и желтым, синим и зеленым. Щурки – землекопы, роют для своих гнезд норки. Только селятся не поодиночке, как зимородки, а компанией. Не раз я видел поселения щурок в подмытых рекой берегах. Осыплется берег, и откроется обрыв, слоеный, как торт наполеон. Верхний слой, самый черный, густо пророс корнями трав. Под ним серый, посветлее. А дальше и желтый, и коричневый, и снова черный. Так

меняла свое русло речка, наносила глину, ил и песок. Щурки для своих гнезд выбирают слой помягче. Весь этот пласт, как из пулемета, черными дырками прострочен.

Однажды, когда я подплыл к такому обрыву, выпорхнула из норок стайка пестрых и стройных, чуть поменьше скворца, птиц – щурок. Будто радуга вспыхнула над рекой! И затараторили наперебой, как камешки в ручье посыпались: «Чур-р-р, чур-р-р, чур-р-р...»

Потому, наверное, и называются «щурки», что имя свое выговаривают.

Охотятся щурки высоко в небе и все время ведут гурчливую болтовню. Каждый день я слышал в поднебесье говорливых щурок, а видел близко только в этот раз.

Богатырские кони

На берегу стояла девушка в синих шароварах и бело-голубой динамовской майке. Она держала в поводу коня. Коня-великана. На его широченной спине можно было улечься, как на диване. Его толстые ноги были похожи на колонны, а копыта – на перевернутые небольшие тазики. Но удивительнее всего была его масть – белая с шоколадными пятнами. Или шоколадная с белыми пятнами. Пожалуй, белого и шоколадного коню досталось поровну.

Конь пил. Круглые глотки прокатывались, как мячики, по его склоненной шее. Кажется, речка изменила течение и потекла к его губам. Даже подводные травы повернулись, тянули длинные листья туда, где пил конь. А он засасывал Битюг и тяжелел. Его копыто, накрывшее травяную кочку, медленно погружалось в воду.

Девушка щурилась от солнца и легонько посвистывала. Так делают всегда, чтобы лошадь напилась всласть. Ветерок-полуденник перебирал белокурые волосы девушки и шевелил тяжелую гриву коня, закрывавшую ему глаза.

На лугу паслись еще два коня, такие же мощные и гривастые. Только масть их была обычной: один – вороной⁷, а другой – гнедой⁸. Их начищенные бока блестели на солнце. Кони похрустывали травой, отмахивались от слепней пышными хвостами и топали ногами. Зеленый бережок вздрагивал от их копыт и отдавался глухим звуком. Наверное, именно такие кони носили богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича, когда они объезжали границы Руси, охраняя ее от супостата.

– Кони, вижу, пасутся. Где же чудо-богаты-ри? – спросил я девушку.

– А зачет пошли сдавать. Мы тут на конеферме на практике. А я вчера сдала.

– Хороши битюги на Битюге! – похлопал я по бело-шоколадной шее.

Но девушка даже не улыбнулась. Для нее эти слова не были каламбуром.

– Так ведь первые русские тяжеловозы пошли отсюда, с Битюга. Потому их и назвали «битюги», – пояснила она, не догадываясь, что я здесь жил когда-то. Не зря она сдавала вчера зачет по коневодству! – Когда царь Петр строил под Воронежем первые корабли российского флота, потребовались могучие лошади, чтобы подвозить дубовые бревна и мачтовые сосны. Царь повелел купить их за границей – в Голландии, Германии. Но эти тяжелые лошади плохо переносили здешний климат, болели. Тогда их смешали с местными лошаденками, выносливыми и неприхотливыми. И появились знаменитые битюги. А порода пятнистых лошадей, как Пегаш, стала даже называться «воронежской». Но их осталось совсем мало...

Мне захотелось поближе познакомиться с редкостным конем. Я угостил его хлебом. Пегаш осторожно подобрал с ладони ломоть и шумно обнюхал мой карман. Одна ноздря у него была темная, а другая розоватая, в белесой шерстке. Как белый мышонок.

⁷ Вороной – черный.

⁸ Гнедой – коричневый.

До свидания, бобровая река!

Завтра кончится мое маленькое путешествие. Я долго сижу у костра и слушаю тишину. Пыж сладко спит у меня в ногах. Костер прогорел. Синие огоньки перебегают по жарким углям. Тепло и уютно. Где-то угукает и посвистывает сыч. Налетела на мягких крыльях, бесшумно шарахнулась в темноту сова. Лесная мышь точит недалеко от меня оставшийся от чая сухарь. Экое счастье ей подвалило! Ее крохотный глазок поблескивает в трепетном свете красных углей.

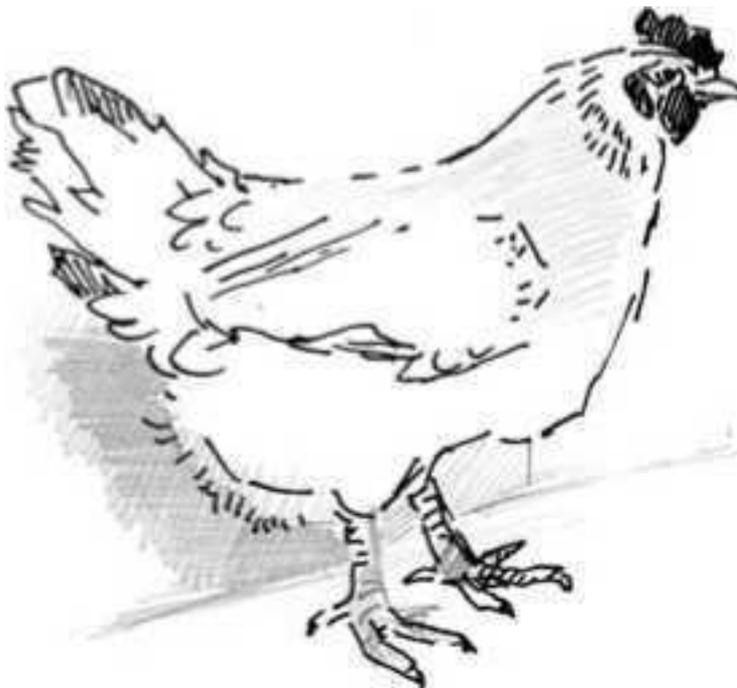
Поздно вечером вернулись в лес с полей журавли. Я издали услышал их разговор и стал всматриваться в темное небо. Журавлиный строй прошел невысоко. Мне видны были смутные силуэты птиц, слышен шум их крыльев. Через несколько минут они сели на свое болото и радостно закричали. Так радуется только тот, кто возвращается к родному дому.

Я лежал у костра и листал мой боржурнал. Он был почти весь исчеркан торопливыми записями и рисунками – не бог весть какими, но все равно это была память о Битюге, его приметы. Наохлившись подорлик на высокой береговой суши, цапля на ракушечной отмели, эскадра гусей возле села Коршево, два мальчика верхом на одной лошади, камыши, белые кувшинки... Вместе с тетрадкой я мысленно перелистывал дни моего путешествия. Оно было недолгим, но радостным. Исполнилась давняя мечта. Как в детстве, я снова ощутил себя дальним путешественником, попавшим в таинственное зеленое царство сказочной реки.

Спасибо тебе, Битюг! Ты обогрел меня последними деньками теплого бабьего лета. Ты познакомил с хорошими людьми, хозяевами здешних мест. Я любовался твоей чистой водой, деревьями и цветами. Вместе с Пыжом, остроухой лайкой на носу лодки, мы проплыли тихо, чтобы не мешать зверям и птицам на твоих берегах. Все эти дни я был счастлив от близости к родной земле и обилия жизни на ней.

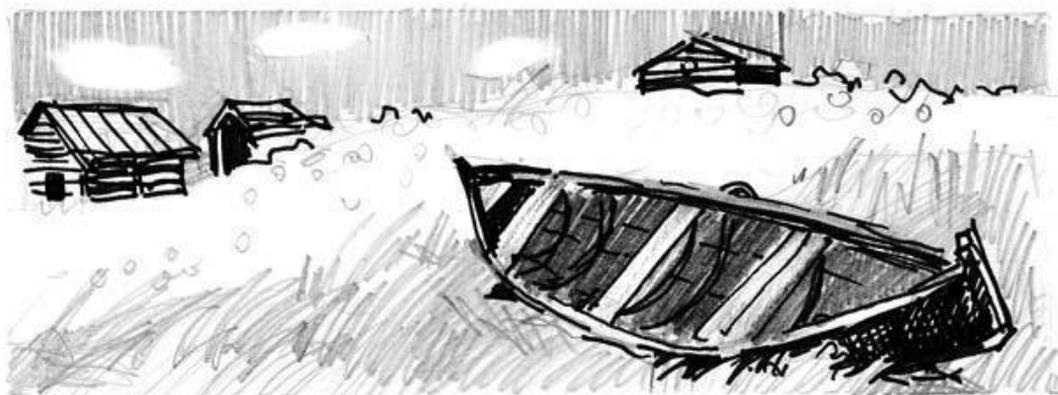
Живите и множьтесь, звери, рыбы и птицы!
Берегите, люди, Битюг!

Дианова гора

Дом

Прошлую осень я провел на Диановой горе. В опустевшую деревеньку меня привез на мотоцикле мой приятель Володя.

– Вот оно, родовое подворье! – торжественно объявил Володя и лихо развернулся перед старым двухэтажным домом. – Дед в нем жил, мать жила, да и мне досталось. Дед сам рубил. Все дома тут своими руками ставлены.

От долгих лет и непогод дом был морщинист и темен. Маленькие, кое-где подзаштопанные фанерой оконца первого этажа тускло отражали наши ноги и сверкавший никелем мотоцикл. А в больших глазастых окнах наверху радостно светилось осеннее белое небо.

– Жили внизу, а наверху была школа, – пояснил Володя. – Так этот дом был задуман. Дед грамоты не разумел, но ученых сильно уважал. Четыре класса вместе занимались. И учительница была одна. В одном углу читают по складам «мама мыла раму», а в другом трудятся над задачей про две трубы, через которые вливается-выливается.

Деревня Дианова гора мне понравилась. На веселом месте она стояла. Светло было на горе от близкого неба. Радовались простору глаза.

– Вот и живи, – хлопнул меня по плечу Володя. – Тут самое высокое место во всем Заонежье. Печь в порядке, дров навалом – чего тебе еще надо?

И я остался на Диановой горе.

Диан и Ксантиппа

Закурился дым над моей трубой. Очнулась деревенька, запахло в ней жилым. Днем я бродил по осеннему лесу, а по вечерам топил печку, глядел на огонь и думал, почему так странно назвали гору и деревеньку на ней – Дианова гора.

На другой же день после моего новоселья я почувствовал, что в доме есть кто-то еще. Какое-то живое существо. Мне слышались шорохи. Чьи-то шаги. Может, чудилось?

Я взял фонарик и вышел в сени. Громадный крытый двор дохнул на меня черной неподвижной пустотой. Желтое пятно фонаря скользило по стене и высвечивало старые веревки на гвозде, худые корзинки, трещины и сучки бревен, похожие на рыбы морды.

Стоп! В круге света стояла голенастая курица. Ее удивленный круглый глаз горел красным рубином. Курица освоилась под фонарем и тихо, как привидение, пошла вдоль стены, высоко выкидывая ногу, «печатая» шаг длиннопалой растопыренной лапой. Так маршруровали на плацу солдаты при императоре Павле, обожавшем муштру.

Курица задумчиво промаршировала до угла, развернулась и направилась назад. Пятно света двигалось за ней, будто за тенором на сцене, который прогуливается, перед тем как спеть свое знаменитое «куда, куда вы удалились...».

– Типа, типа, типа, – поманил я.

Мне в ответ раздалось мяуканье. Курица?! Что за чудеса! Вспыхнули и померкли два круглых глаза. По балке шел кот – такой же серый и пыльный, как толстая балка.

– Кс, кс, кс... типа, типа, типа, – звал я. – Кс, кс, кс, типа, типа, типа...

Сложилось когда-то слышанное слово – Ксантиппа. Это было имя для курицы.

А кота я назвал Дианом. Он был холодный и очень легкий. Видно, с мышами дело обстояло неважно. Кот терся боками о мой сапог. Соскучился.

Володя рассказывал, что последние жители съехали с Диановой горы два месяца назад. Ах бедолаги Диан и Ксантиппа, как же вы отстали от хозяев, одни оказались в пустой деревеньке?! А что ждало бы вас зимой?

У Диана на передней лапе я обнаружил сквозную ранку. То ли прокус, то ли прошла навывлет дробинка. А может, проколол на гвозде, когда кинулся за мышью.

Я залил ранку йодом. Кот затряс лапой, хотеллизать боль, но резкий запах йодашибанул ему в нос, заставил зажмуриться. Он мяукал негромко, косился на меня и думал, наверное: «Сидеть бы мне лучше на своей пыльной балке, чем связываться с таким лекарем».

Курице я покрошил хлеба. И тут вспомнил, что Ксантиппой звали жену древнегреческого знаменитого мудреца Сократа, женщину глупую и вздорную. Но хромая курица не знала этого и не возражала быть Ксантиппой.

Тропинки

Люди из деревни уехали, а набитые в лесу тропинки остались. И каждая из них имела свой смысл – то дело, для которого она была проложена.

Я люблю ходить по глухим, заброшенным тропинкам. Каждый день я брал возле деревни новую тропинку и шел по ней в глубь леса. Куда она приведет? Для какой нужды проторил ее безвестный человек?

Идешь-идешь и вдруг окажешься в такой же, как Дианова гора, маленькой и безлюдной деревеньке. Или приведет тропка к замшелому срубу над ключом, рядом с которым припасена для прохожего человека пол-литровая стеклянная банка. А то выйдешь на берег озера, где стоят у сосны длинные сухие удилища. И можешь быть уверенным, что рыба тут берёт, иначе не стал бы рыбак ходить на одно и то же место.

Всегда кажется, что в глухомани грибы стоят гуще и дичи больше держится. Но на тропинке не меньше увидишь, чем в глуши. Травянистые дорожки и тропы любит гриб. Особенно белый. Тут ему теплее, больше солнышка. Дикие куры-тетерева вылетают на дорожки и тропы поклевать мелкие камешки. Пролетит над дорогой, как по лесному коридору, тяжелый глухарь. И ходят по ним большие и малые звери. И наверное, считают их своими. А может, так и было: первым прошел зверь, а потом уж по его следу прошел человек. Так и ходили по одним и тем же тропинкам много лет, не задевая друг дружку. Потому что тропинки выбирают себе самые удобные для ходьбы места.

А одна из тропок утянула меня на скалу. С камня на камень, на самую верхотуру. Ничего, конечно, там не растет, ни грибы, ни ягоды. Камень. Да сухой ломкий мох. И обсиженное на мху местечко. Я сел, чтобы перевести дух, и загляделся – так красивы были внизу разукрашенные по осени леса. Значит, и это нужно было человеку из деревни Дианова гора – забраться повыше и полюбоваться открывшейся округой.

Озорник

За бревенчатой стеной дома послышались шаги. Белые длинные ноги проплыли за окном. Кот Диан на подоконнике выгнул спину и зашипел. В безлюдную деревеньку пришел лось.

Лось понюхал висевшую на ограде тряпку и остановился против рам, стоявших у крыльца. Эти зимние рамы Володя снял со второго этажа, чтобы потом забрать на машине для своего нового дома в поселке. Из застекленных рам на лося глянул лесной могучий зверь. У него были такие же широкие рога-лопаты, горбатый нос и висевшая мочалкой борода. Лось отступил. Зверь в раме отступил тоже. Тогда лось фыркнул, набычился и ударил зверя рогом.

Посыпалось битое стекло. Я, как был в носках, выбежал на крыльцо. Но перепуганный лось уже махал к лесу. Тот, что смотрел из рамы, сидел теперь на его рогах. Лось метался из стороны в сторону и крутил головой, стараясь избавиться от рамы. Наконец он сбросил ее на елку и исчез в лесу.

– Знаю я этого шкодника, – сказал Володя, когда приехал за рамами. – Лет семь назад тут жили ленинградские лесозаготовители и подобрали лосенка. А потом он ушел. Но к людям нет-нет да и наведывается. Однажды мотоцикл «Урал» с коляской перевернул, пока

хозяин волнухи ломал. А как-то веревку с бельем унес на рогах. По всему лесу рубахи собирали. Тут же, надо спасибо сказать, хоть рама цела осталась. А стекла – что, стекла я вставлю.

Химик

Странный человек вышел из лесу. Вся его одежда – брюки, телогрейка и шапка – была вывернута наизнанку. Лохматые швы, карманы и разноцветные заплатки торчали во все стороны. Даже голенища кирзовых сапог с болтавшимися ушками были завернуты до предела, болтались на щиколотках. Человек был небрит и измазан сажей.

– Заблудился? – спросил я.

– Шишкач заморочил, – пожаловался человек.

– Какой «шишкач»?

– Да такой. Обыкновенный. Маленький, зелененький. Будто мохом пророс. С елки на елку, с елки на елку и за мной, шишками подгоняет. Два раза по спине врезал. А сам-то – всего ничего – чуть поболе шишки.

– Видел?

– Кого?

– Его.

– Его-то? Да как тебя. Я ведь в лесу ночевал. Как костер прогорел немножко, он и спустился.

– Тут ты и проснулся?

– А ну тебя!.. – рассердился человек. – Я ему дело, а он... Не хочешь – не верь.

– Ну ладно, не обижайся, – попросил я. – Что же, помогает, когда заблудишься, одежду выворачивать?

– Как видишь, – буркнул человек. – Вышел ведь.

– Чем помогло-то?

– А вот вспомнил я, что есть деревня на самом высоком месте, и стал идти все вверх да вверх.

– Это ты и так мог догадаться.

– Мог, да не догадался. А как на левую сторону все повывернул, тут мне и пришло в голову.

Только сейчас я заметил, что человек сильно продрог. Щетина на его посиневших щеках топорщилась от холода, как щетка.

– Пойдем в дом, у меня тепло. Замерз ведь?

– Есть маленечко! Пойдем! – с радостью согласился человек.

Дома он переоделся. Даже майка оказалась у него вывернутой. Он был покрыт синеватой куриной кожей, только руки были у него желтыми, как бы продымленными.

– Химик я, – пояснил человек и растопырил передо мной пальцы. – Живицу гоню. Видел небось, жестяные вороночки со смолой-живицей на соснах висят? Вот я и есть подсочник. А химик потому, что кислотой живицу выгоняю. Химией. Шариком таким, который в кислоте смачивается. Недавно я в этом лесхозе, мест толком не знаю...

Химик долго не мог согреться. Холод, который забрался в него ночью у костра, медленно выходил теперь наружу и осыпал кожу мурашками.

– Эх, баньку бы! – знобко передернулся химик, будто стряхивая облепившие его мурашки.

– Вон банька! – показал я в окно. – Но я еще не парился. Печка разорена маленько. А котел вроде бы цел.

– Печку я подхিমичу! – обрадовался Химик. – Лишь бы котел был!

Черная банька пахла остывшим горьким дымом. В углу за лавкой стояли два березовых веника.

– Выносить положено, – буркнул Химик и выбросил веники в предбанник.

– А что? Какая разница, где им сохнуть?

– Здесь-то, в тепле, могут баннушки развестись, вот что, – строго сказал Химик. – В мокрых вениках, бывает, появляются.

– Баннушки? А это что за «звери»?

– Баннушки они и есть баннушки. Вроде как чертенята такие... Вроде мочалки с рожками-ножками. Тоже озорники хорошие.

– Ты их тоже видел?

– Не, – признался Химик. – Этих не видел. Люди видели...

Мы «подхимичили» топку и подложили в каменку лепёхи плитняка, отслоившиеся от скалы. Весело взялись сухие дрова. В бане закачались дымные одеяла. Сталкиваясь головами, мы с Химиком ползали под зыбким пологом дыма и домазывали печку глиной при свете тусклого фонаря «летучая мышь».

Хорошая получилась банька! Я шагнул в ее раскаленное нутро, и сухой жар перехватил мне дыхание. Как от озноба, мы покрылись гусиной кожей. Химик ухал и кричал.

Сбрызнутая водой, каменка взрывалась и выдыхала новые клубы зноя. Плоские камни лопались и стреляли горячими осколками.

– Вот они, проделки ихние! – шайкой укрывался от осколков Химик. – Фулиганье! А ты говоришь...

Мы ожесточенно хлестались вениками. В бане запахло майской березой. Пламя в «летучей мыши» подпрыгивало и вдруг стало гаснуть.

– Солярка кончилась, – предположил я.

– Солярки тут навалом, – поболтал грязный фонарь Химик и оглядел углы. – Опять небось эти банные фулиганы...

– Да брось ты! – рассердился я на Химика. – Значит, воздуху нашей «мыши» не хватает. Весь воздух мы с тобой выпарили!

– Тогда давай одеваться, – сказал Химик. – В темноте я несогласный...

Весь вечер мы тянули чай с брусничным листом. Химик, красный как рак, утирал лицо латаной рубахой и мурлыкал какую-то странную песню про далекую планету. Кот Диан урчал у меня на коленях, «вышивал» когтями по брезенту. Отсветы огня из открытой печи бродили по морщинистым бревенчатым стенам. Было тепло и уютно. Тихонько подвывал в печной трубе ветер.

– Ишь выступает! – покосился на потолок Химик.

– Кто?

– Да вон... дед Дымовик. В трубах живет. Нам с тобой дым – дышать нечем, а ему – первое удовольствие. Как затопят печь, его обдаст дымом, он и начинает.

– Что же он, вроде Шишкача?

– Нет, – серьезно продолжал Химик. – Не похож. Этот совсем маленький. Мохнатенький.

Дымок из него сочится, как из курной баньки. Шмеля видел? Этот чуть поболе. А вместо глаз – две искорки.

– Смешной ты, Химик! Как шаман из тайги!

– Конечно, из тайги, откуда же. А ты не смейся, не смейся. Ты идешь по тайге – тихо, думаешь, пусто... А за тобой тыщи глаз смотрят. И звери, и всякие птюшечки-зверюшечки, и разная чудаковина. Поживешь с моё в тайге, заведешь себе и Шишкача, и бабку Темнотницу-полуночницу, и девок-Зоревниц, что под утро блазнятся⁹... Всё вроде бы с ними повеселее...

⁹ Блазниться – мерещиться.

Мы легли спать, но почему-то не спалось. После бани и горячего чая мы медленно остывали в темноте, как вынутые из печи караваи. За черным окном ночь. Густая тишина заложила уши, будто ватой. Неужели на этой земле где-то есть ярко освещенные улицы, мчатся поезда?

– Пойдем со мной, – уговаривал меня Химик. – Вместе будем живицу гнать, а по вечерам песни петь. Весело заживем! А то я все один да один... Платят нам прилично, зарабатываем...

Когда на другой день я пришел с охоты, Химика не было. Ушел в свою подсочную избушку.

Никто не пел больше в моей трубе, не стреляли осколками камни в бане. Ни разу не пульнули мне на тропе шишкой в спину. Видно, все, кого выдумал в своем одиночестве Химик, ушли вместе с ним. И Шишкач, и баннушки, и дед Дымовик.

Хороший все-таки человек Химик. Только немножко странный. А может, тем и хороший, что странный.

Ночной переполох

Меня разбудили шум и возня во дворе. Всегда молчаливая, взволнованно кокала Ксантиппа. Шипел и гневно кашлял Диан. Что-то упало. Что-то звякнуло. Захлопали крылья. Кто-то мягко прыгнул, шмякнулся о дверь, пробежал по сухому сену. Похоже, за стеной шла какая-то потасовка.

Я схватил фонарик и выскочил во двор. Мне в ноги метнулся кот. Он был взъерошен, как ламповый ёрш, и ужасно возбужден. Диан выгибался калачом, ходил на цыпочках и устрашающе плевался в темноту. Мое появление во дворе укрепило его воинственный дух.

Курицы на месте не было. Я отыскал ее фонариком высоко на балке. Луч фонаря будто столкнул Ксантиппу. Бестолково размахивая крыльями, она с воплями слетела вниз, как выброшенная из окна тетрадка. Из разорванного куриного гребня текла кровь и бисеринками скатывалась по белой шее. Кто-то пришел из ночного леса, чтобы убить Ксантиппу и полакомиться курятиной. Но кажется, этому помешал кот Диан. Он вступился за подругу по несчастью. И наверное, враг оказался силен и страшен: очень уж кот был взвинчен дракой и никак не мог успокоиться. Я нагнулся, чтобы погладить его, но кот испугался, вздрогнул и снова выгнулся дужкой амбарного замка.

Кто же все-таки напал на Ксантиппу?

Двор был пуст.

Я вышел на улицу и осветил с крыльца. Фонарик вырвал из темноты полоску свалывшейся жухлой травы, кусок загоры и ближнюю березу. Дальше луч увязал в ночи, рассеивался без остатка в пустом бесконечном воздухе, окружавшем гору.

Неразгаданной осталась в ту ночь тайна покушения на Ксантиппу.

Вышка в лесу

На Диановой горе стоит огромная деревянная вышка. Любопытно мне стало: далеко ли с нее видно? Я оставил внизу ружье и рюкзак и полез по узенькой лестнице. Меня окружали бревна, сбитые здоровенными скобами. Сначала они казались вполне прочными. Но чем выше я забирался, тем больше замечал, как повывлезли скобы из потрескавшихся балок, как болтаются и скрипят под ногой лестница, и вышка становилась не такой уж надежной... Чтобы не кружилась голова, я вниз не смотрел, а просто лез да лез, пока перед глазами были ступеньки.

Сквозь вышку свободно протекал поднебесный ветер. Он был совсем другим, чем на земле. Поднебесный ветер не метался из стороны в сторону и пах не грибами, а студеной ключевой водой. Вышка чуть покачивалась, вздрагивала и тихонько постанывала. Вдруг завалится? Высоко лететь с вышки, которая загремит с горы!

Наконец ступеньки кончились, появилась дощатая щелястая площадка. Только теперь я решился взглянуть на открывшуюся мне картину. Холодок радостного страха сжал мое сердце – так широко лежало вокруг Заонежье, так далеко внизу была земля. Ружье – не больше, чем авторучка, банька – как спичечный коробок. Ворона пролетела подо мной, распластав растрепанные крылья.

То, что видно было сверху, напоминало, пожалуй, не картину, а громадную палитру, на которую художник, готовясь писать, выдавил краски. Темно-синий кобальт – это Онего. Разводы охры – сухие болота. Широкие пятна густо-зеленого крона – это еловые и сосновые леса. Желтые мазки – березняки, багряные – осины. А ярко-красные – это, наверное, рябинки. Поседевшие от ночного морозца дорожки и тропки протянулись по лесу нитями паутины. Ясным стеклом блеснул молодой лед лесных озер. Только лазури – небесной голубизны – пожалел художник. Серый цвет преобладал в северном осеннем небе. Белила с сажей.

На перилах площадки я обнаружил странную надпись: «Ты не прав, Мухин». Интересно, что это за Мухин? В чем он не прав? И почему человек, забравшись на такую высоту, вдруг вспомнил о своей обиде и не поленился вырезать непонятные слова?

В лесу на белых дорожках крутилась лисьими хвостами рыжая метель – это низовой ветер гонял палые листья. Как зенитки, смотрели в небо черные трубы деревенских крыш. Над моей трубой дрожал, струился теплый воздух: в протопившейся горячей печи упрекала заячья похлёбка. Через трубу я как бы спустился взглядом к себе в дом, увидел Диана на лавке и Ксантиппу в отгороженном углу, листки бумаги на столе, представил себя – как сбрасываю у печи дрова, щепая лучину... Хорошо все-таки, что я приехал на Дианову гору!

Я чувствовал себя летящим в потоке свежего ровного ветра. Он протекал через меня так же свободно, как сквозь ажурную вышку.

«Ты не прав, Мухин»... Ну а я? Всегда ли я бываю прав?

С одной стороны, получалось, что всегда. Ведь когда знаешь, что не прав, хочешь тут же исправиться. Но это когда знаешь! А если не знаешь? Значит, выходило, с другой стороны, что можешь оказаться не прав и даже не знать об этом. Но тогда, может быть, поправят друзья, им со стороны виднее? А если друг окажется не прав, когда будет говорить, что я не прав?

Тут я совсем запутался и снова стал смотреть, как ветер гнал по дороге в поселок вороха сухих листьев. Столб крутившейся листвы налетел на что-то, рассыпался, и я увидел знакомый мотоцикл. Это ехал Володя. А рядом с ним в коляске сидел кто-то небольшой, черный и узкоплечий.

Я заторопился вниз. Ступеньки уже не казались мне шатучими и ненадежными, я успел привыкнуть к вышке и к высоте.

– Хлебца тебе привез, – протянул Володя горячую телогрейку с завернутыми в нее буханками. – Прямо из пекарни, с лопаты! А еще – вот, товарища Малю!

Володя отстегнул карабинчик, из коляски выпрыгнула его лайка по имени Мальчик.

– А то что ж тебе в лесу без собаки – как без глаз, без ушей!

И мы зажили на горе вчетвером.

Куница

Осеннее Онего непокойно. Тяжелые волны выкатываются с озера и разбиваются о береговые камни. Обледеневшие от брызг кусты позванивают на ветру, как висюльки на хрустальной люстре.

Этот звон привлек куницу. Ночью она вышла на берег и понюхала ветер. Он нес запахи взбаламученной воды и солярки. Застигнутый непогодой, далеко в Онеге пыхтел движком катер. Огонек на его мачте то появлялся, то снова проваливался между волнами. Мокрые камни, хлопья желтой пены, выброшенные обломки досок и тростника... Поживиться на берегу было нечем. Куница соскользнула с валуна в черничник, перебралась по упавшей осине через ручей и направилась в лес. Сильная и ловкая, куница короткими прыжками шла по каменистым гривам-сельгам¹⁰, взбиралась на деревья, неслышно протекала темной меховой струйкой по сукам сосен и опять спускалась на землю. Множество запахов окружало куницу в ночном лесу. Но ей нужен был только один – запах близкой добычи: спящей в кустах птицы, белки, зазевавшегося зайчонка-листопадника...

¹⁰ Сельга – каменистая, скалистая гряда, разделяющая болота, низменности, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток, по движению ледника (*карел.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.